

18+

Василий Калашников

**S23ultra, вторая
экспедиция. Часть 1.**

«Автор»

2026

Калашников В.

S23ultra, вторая экспедиция. Часть 1. / В. Калашников —
«Автор», 2026

"Три мудреца в одном тазу....""Three wise men of Gotham, They went to sea in a bowl, And if the bowl had been ber My song had been longer"Как?!
Как так случилось, что мы смогли долететь до S23ultra???!!!Не ломайте свою голову, мой дорогой читатель! Мы это сделали за вас! Чёрные и Белые дыры, кротовые норы Уитлера, искривленное пространство, но скорее всего Вселенский разум или сам Господь Бог приняли в этом участие! И лучше здесь остановиться и просто выслушать нас, в качестве реальных свидетелей.

© Калашников В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	42

S23ultra, вторая экспедиция. Часть 1.

Глава

Часть первая.

Глава 1.

«Куда ты прёшь со своим матрасом?» - возмущалась Даша Антонова на Валеру Щанкина, который действительно удивил нас своим полосатым, казенным матрасом обнаружившимся при нём со дня нашего прибытия.

Двери в космический корабль для обратного пути спроектировали сдвижными и закрывались они по герметичным полозьям, как в душевых кабинках. Было их две, как в обычных лифтах. Корабль оказался меньше, чем тот, что доставил нас сюда, потому мы давились, как в старину в автобус, чтобы влезть внутрь, суметь сдвинуть эти двери и запереть их наглухо.

Валера был здоровее всех членов экспедиции. Он молча втащил и запихал свой ватный тюфяк в «щели» между нашими телами. Двери в конце-концов натужно сошлись, замки намертво сцепились, тест на успешную герметизацию прошёл и зеленый свет загорелся. Заработали двигатели на прогрев, а потом их рев стал нарастать, но мы уже засыпали под инфузией корабельной атмосферы. Мое тело прижималось к стенке корабля спиной, справа меня придавила «возмутительная» Даша, а слева Серега Габриэль, который поступил даже умнее, чем Валера Щанкин. Сергей умудрился притащить с собою надувной матрас, который сейчас, спущенный, был обмотан вокруг его тела. Тело Даши было мягковатым, а стенка корабля обшита пенным утеплителем. Потому, при приземлении, скорее всего, я обойдусь без синяков и пролежней.

Второго корабля нам не обещали, а мы «насытились и наелись» сполна унылой экзотики на планете S23Ultra. В эту пробную экспедицию набирали людей, что называется, с улицы. Обещали хорошо заплатить. Дел серьезных на Земле у нас не оставалось, дети выросли, женщин мы уже не интересовали, дома и квартиры давно отремонтированы, быт устоялся и мы, т.е. я со своими «друганами» проводили время, как могли, пьянствовали, рыбачили, болтали у стола или костра, воспоминаний и анекдотов для этого хватало. Однакож, мы скучали по былой, более активной жизни с приключениями и азартом. Именно поэтому рекрутеры обошлись без уговоров и лишних обещаний, приглашая «друганов» в путь на только что открытую, пригодную для обитания планету в соседней галактике. Корабль для этого построили большой, там хватило места и для других подобных компаний, плюс эта Даша, она сама в этот космический поход напросилась. Даше нравится быть в центре событий и публичного внимания. В юности, в перестройку, она даже на крышу КГБ залезала, чтобы снять старый флаг и на войну корреспондентом ездила в горы. Сейчас ее жизнь сильно «устаканилась» и потому она успела заскочить и занять последний скафандр-саркофаг при отлете, когда Жорка Ю..., резко передумал и вернулся к своей, довольно молодой еще жене.

Вот так вот.

«Это, что за ерунда!» - крикнул возмутительно начальник карантинной комиссии увидев рулон грязного матраса. Валера держал его под мышкой и выходил с ним последним. Это главное о нем, о Валере. Он никогда никуда не спешил и, как «тот бык, который всегда последним спускался с холма к тёлочкам, сытым и отдохнувшим». Мы проснулись при приземлении и все, как один, вошли в огромную, белую, карантинную палатку.

«Вы, что? Не понимаете, насколько опасной и чуждой флоры и фауны вы могли накопить в этом ужасном тряпье? Обоих на отдельную обработку!» - приказал начальник. В «обоих» попал и Серега Габриэль. «Хитрозадых» обладателей матрасов увели в отдельный бокс для обследований и дополнительных химиотермических процедур, в то время, как нами занялись

согласно рутинному протоколу, а именно, содрали навсегда выданные перед полетом комбинезоны, прогнали через оросительные переходы, потом через газовые, затем световые. Следом трехмерно отсканировали наружные покровы тел, запустили зонды по всем отверстиям, собрали мазки, под корень выбрили волосяные заросли, спилили ногти, закапали глаза, влили ведерные клизмы и, показалось, что скоро мы окажемся на свободе. Все это время нас развлекали истошные Дашины крики. Ее роскошные волосы оказались дорогим париком, она никогда и нигде ранее не брилась и, к тому же, выяснилось, что матерая наша Даша является абсолютной девственницей.

Глава 2.

Нет, до свободы было ещё далеко. Всех участников экспедиции вселили в огромные надувные ангарты, где каждому нашлось по месту в индивидуальных капсульных спальнях, но столовались, читали, упражнялись и справляли гигиенические потребности мы в общих столовой, библиотеке, спортзале и очень продвинутой бане. Сроки пребывания на карантине объявлены не были, а на настойчивые наши требования о них ответ был один: "По результатам мониторинга и во имя биологической безопасности решение будет принято коллегиальной комиссией! До этого здесь вам будет предоставлено все необходимое для комфортного проживания и жизнеподдержания! По-возможности избегайте лишних требований. Данный карантин жизненно необходим для глобальной безопасности всего земного населения!" Так вот, подетски, нам объяснили суть нашего заточения. Визиты из внешнего мира остались вне всяких вопросов.

Общение с близкими по акустическим каналам дозировалось несколькими сеансами в неделю. Видеосеансы без объяснений не допускались, а сами разговорные сеансы проходили индивидуально у каждого члена экспедиции из специальных звукопоглощающих кабинок. Общение же между собой внутри ангара оставалось совершенно свободным. Здесь отсутствовал какой либо режим подъёма, питания, отхода ко сну. Каждый участник оказывался предоставлен самому себе. Хочешь есть, ешь! Холодильники и печи разогрева всегда готовы к твоему пользованию. Хочешь спать, спи. Хоть не выходи вообще из своей капсулы. Свет в спортзале и библиотеке никогда не гас. Бегай, качай свой пресс и бицепсы, занимайся йогой, а нет, так иди, читай, смотри видео, или парься в сауне, сиди в джакузи, лежи на полках под паром... все вы здесь взрослые люди. В общем, да, поддержать жизнь тут можно, но только тот, кто знаком с заточением, хорошо понимает чего нам не хватало. Особенно подавляла неопределённость сроков прихода желанной свободы. К тому же оставался шанс, что мы могли подцепить нечто «неземное» и «неизлечимое», тогда нам всем грозило и пожизненное! Вот так-то!

«Ты, как думаешь, может у нас с тобой, что-нибудь получится?»-спросила Даша, зайдя и усевшись в моей капсуле на краю моего «топчана». Я лежал с небольшим планшетом зачитавшись дремучей книжкой Луи Буссенара. Язык и история про всадника без головы, казались сейчас невыносимо простенькими, но зато само чтение приносило столь же светлые, сколь и далёкие далёкие воспоминания безмятежной юности. Я посмотрел на Дашу. После унижений по прилёту в карантинной палатке, Даша изменилась. Лицо ее расправилось, черты смягчились, взгляд стал внимательней и она оказалась совсем таки ещё привлекательной, относительно молодой женщиной. Парик ей не вернули, но у неё уже отрасли собственные крепкие волосы, которые она оформила в «каре», чуть покороче, чем у Эдит Пиаф. Высокий лоб прямой, довольно крупный нос, большие тёмные глаза, большой рот с тонковатыми, но хорошо очерченными губами, заостренный вперёд подбородок, высокая шея, пропорциональное, развитое тело, общая интеллигентная бледность, это все Даша. Её можно было бы принять за красавицу, но такому восприятию мешали Дашины стервозность и вульгарность проявленные во время долгого полёта и пребывания на той далекой планете.

По жизни я, вообще-то, однолюб, но в периоды долгих разлук у меня, конечно, случались проявления сильных чувств по отношению к другим женщинам, хотя чаще они все-таки оставались лишь объектами философского обозрения. Вот и сейчас это происходило с Дашей. При этом я не смотрел на нее, как Дарвин, через микроскоп и не заносил результаты своих наблюдений в полевые дневники, однакож сознание работало совершенно без помех. Не было никакой гормональной лихорадки. «Дашенька, ты серьезно, или тебе совсем скучно стало?» - будучи на двадцать лет старше я именно так обратился к ней. Отложив блокнот положил свою ладонь на ладонь Даши, которой она опиралась сидя на краю лежанки. Эта женская рука оказалась прохладной, пальцы на ней тонки, а по длине их размер не уступал моим. Даша представляла из себя довольно крупную особу. Она не убрала ладонь, но зато я вернул свою к планшету. Потенциально мы, наверное, могли бы в другой жизни попробовать погулять под луной и солнцем, научиться целоваться, зачать детей и повести совместное хозяйство, но долгая прожитая часть моей жизни, накопленный опыт, свой, своих друзей и многих, многих окружающих, близких и не очень однозначно говорил о том, что любой человек на земле неизбежно смертен, но однажды поселившаяся в живой женщине стерва остается абсолютно бессмертной!

«Ты, Даша, очень хорошая женщина!» - говорю. «Правда?» - спрашивает оживившаяся Даша. Она смотрит мне прямо в глаза, а мои начинают искать муху на потолке. «Конечно!» - стараюсь бодро поддержать разговор: "Ты чудесная!" Даша сама взяла меня за руку. Глаза её слегка заблестели: «Нам ведь тут ничего такого не запрещают!» В голове моей изнутри возникло ощущение сигнального предупреждающего стука, как на подводной лодке. «Дашенька!» - произношу ей вслух, не зная, что ещё добавить, но язык мой начинает шевелиться сам: "У меня уже не может быть детей». Наверное лицо моё изобразило нечто вроде скорби. Даша придвинулась и слегка наклонилась. Она тоже попробовала изобразить нечто женское, тёплое, сочувствующее. Даша улыбнулась, но вместо улыбки с красивыми, большими и белыми зубами, яркими губами, получился скошенный тонкогубый искаженный оскал стяжательный особы: «Ну всё, ты мой!» - безмолвное шипение читалось сейчас на только что свежем, гладком и невинном минуту назад лице. Спасательный спазм в мочевом пузыре случился кстати. «Дашенька, мне нужно отлучиться!» - словно подпружиненное тело моё слетело с топчана и я босой, быстрым шагом, не оглядываясь отправился по зову природы. Даша, по старой привычке, поискала сигареты в несуществующих карманах комбинезона и пошаркала в сторону своей каморки. Да, вот походка то у неё совсем не девичья.

Глава 3

Со временем, извне, начали поступать хорошие новости. Планета нашего визита оказалась совершенно стерильной. Вся земная микрофлора и микро фауна в Валерином матрасе за время экспедиции передохла или впала в глубокую «микробную» кому, или же, давайте условно назовём ее, «анабиозом». Претензии к Валере со стороны комиссии разом отпали и разговор зашёл даже о некоем его премировании, а само открытие этой стерильности придало толчок новым крупным, мировым планам по освоению и изучению этой планеты. Также оказалось, что случились большие изменения и в наших кишечниках. Мы тоже сильно «обеднели» по содержанию нашей внутренней микрофлоры. При этом питание для экспедиции организаторами было очень тонко сбалансировано, как по объёму потребляемой воды, так и по содержанию необходимых белков, углеводов, минералов, витаминов и сильно ферментированной клетчатки с тонко спроектированными волокнами.

Видимо поэтому мы не заметили изменений в содержимом и поведении своих потрохов. Еда и вода из тюбиков нам, конечно же опостылела за многие месяцы пребывания на планете, как и сама планета с однообразным, каменистым ландшафтом и физическим дискомфортом. Спать в скафандрах-саркофагах внутри пустой корабельной секции отказывались все участники, а без матрасов, как у Валеры и Серёги, приходилось выкладывать ложе из серого реголита. Для этого требовалось немалое терпение, чтобы выложить это ложе максимально близ-

ким по форме собственного тела, в противном случае вы ощущали под собой каждый камень или неровность и обрекали себя на всеобщие страдания, как у «принцессы на горошине».

Планетарная атмосфера, при сходной плотности с земной, содержала повышенное количество кислорода и здесь не было местной воды. Не было облаков и ощутимых ветров. Солнце этой планеты светило мягко, сутки равнялись 30-ти земным часам, вращение тела планеты проходило строго экваториально, параллельно нашему равноденнику, что отменяло всякую климатическую сезонность. Три местные луны, напротив, вели себя как то непредсказуемо. Они могли светить нам ночами одновременно, а могли и поодиночке или парами.

Среди нас не предполагалось присутствие никаких экспертов. Вся идея похода заключалась в определении человеческой жизнестойкости открытого небесного тела самым дешёвым способом. Однако ж Сергей Габриэль путем начертания линий на мягкой ровной площадке смог отследить траектории похода этих лун и в итоге смог там же нарисовать некую модель их орбит. Слежение за лунами забавляло и скрашивало быт экспедиции, ибо самого быта, как такового здесь не было. Питания хватало, отжатые тюбики аккуратно складывались в двух вырытых пещерах. Т.е. готовкой пищи и мойкой посуды мы не занимались. Нам также не приходилось стираться. Во-первых воды для этого не было, во вторых, лёгкие комбинезоны превзошли самые лучшие ожидания и наши и их изготовителей. Их ткань не истиралась при трении об камни, не рвалась и не вытягивалась в процессе носки. Ещё удивительнее было то, что она не только легко пропускала влагу тела, но и не накапливала на своей поверхности соль и жиры. Мы все время ощущали необъяснимую чистоту собственного одеяния. Также было и с гигиеническими салфетками для обтирания кожи наших тел. Через несколько часов после их использования они высыхали, вам оставалось только встряхнуть их, сложить, как старинный носовой платок и уложить их назад, в специальный карман комбинезона.

Удивительным образом происходили процессы, пардон, дефекации и уринации. Еще раз снимаем шляпу перед разработчиками космической диеты. Шарик, в который сформировывались наши «твердые» отходы, напоминали те, что оставляют после себя лесные олени или лоси. У большинства из нас они были «оленьими» и только Валерины получались чисто «лосиными». Не было там и этого отвратительного запаха, от которого цивилизованное человечество на Земле страдает веками, несмотря на постоянное улучшение очистных систем вентиляции, канализации, ферментации и аэрации. Наши отходы были по своему красивы и источали, у мужчин, запахи старого сеновала, а Дашины и вовсе пахли фиалками. К чему я об этом? Во первых это важно само по себе и, к тому же это к вопросу о туалетной бумаге. Туалетной бумаги нам, практически не требовалось!!! Сохраняя земной этикет, каждый из нас вырыл себе индивидуальный шурф с просторным входом и вентиляционным отверстием и исполнял свои облегчения в строгой интимной изоляции от нашего временного космического коллектива. Про дашины качества мы узнали случайно, когда по её просьбе помогли ей расширить подземный «галлеон», в котором оказался мешающий ей крупный валун.

Да, потерпите, мой читатель, ещё немного. Не ведая наверняка, сколько же времени доведется пребывать нам, космическим добровольцам, в малознакомой ещё галактике, на сто-кратно уже упомянутой планете, мы скапливали свою урину в специальные герметичные контейнеры на случай повторной переработки в чистую воду, если корабельные запасы воды в тюбиках иссякнут. К счастью до этого не дошло, но и тут все мы познакомились с ещё одним приятным открытием. В отличии от земной удушливой, пардон ещё раз, «мочи», наша, ново-планетарная, пахла озоном с лёгким ароматом свежей, степной травы. Пожалуй, что будь у нас возможности космического транспортирования, её вполне можно было бы хорошо «толкнуть», «втюрить», парижским парфюмерам в качестве «туалетной» воды. Ещё одно моё «простите» за невольную тафтологию или, какой либо ещё здесь мог бы быть приемлемым термин? Мы ни разу не заболели за время экспедиции. Легие синяки и ушибы при копке тверди или слабые пролежни по утрам, не в счёт. У нас была мощная энергетика, несмотря на затянувшуюся

скуку и однообразие. Высококласское питание и стерильная атмосфера сделали свое дело. При этом, без воды, эта атмосфера была совершенно, абсолютно, терминально безжизненна. Учёные не нашли ни одного микроба или продуктов жизнедеятельности ни в одном из образцов отобранных планетарных материалов.

«Василь, ты чем займешься, когда нас выпустят?» - Валере вернули его матрас и теперь он возлежал на нём на одной из скамеек в библиотеке. Валера блаженствовал, как сивучь на морском рифе. Были у них с этим матрасом явные, хорошие отношения. Капсулы, это капсулы. Со временем в них возрастает ощущение замурованности. Капсулы очень индивидуальны, но совершенно отталкивающи, совершенно лишены всякой интимности, если вы сможете понять, что я имею ввиду. «Пойду в ближайшую пельменную, закажу три порции с говяжье-свинным фаршем, куриным бульоном, возьму побольше чёрного перца, сметаны, уксуса, масла и холодной, ледяной водки!» - говорю шутя, а сам сознаю, что это и есть моё самое сильное в этот момент желание.

Смешок из валериной грудной клетки размером с бочку у сельских водовозов приятно ударил по перепонкам. Большую часть времени мы здесь общались полупшепотом, как при затянувшихся, собственных похоронах. Сейчас же, в ожидание скорого освобождения народ раскрепостился и заговорил. Начали заново травить мохнатые анекдоты, потянулись воспоминания и построения новых планов на свободе при небывалых для нас, «космических» премияльных. Как и перед возвращением с планеты, нашлись желающие покадрить слегка Дашу. Даша краснела и ходила то в одну, то в другую компанию. Ей это нравилось.

«Я с тобой пойду!» - сказал Валера. «Возьму десять порций пельменей и три бутылки водки!» - мы ударили по рукам и Валера перевернулся с боку на спину на своём матрасе. Матрас сжался вдвое. «Как ты думаешь, почему Дашу никто так и не совратил?» - Валера спрашивает, но я вижу, что это он просто для поддержания разговора делает. Ибо лежать часами, даже и на матрасе, занятие очень скучное. «Хихихи!» - послышалось от подходящего Габриэля. Он тоже услышал валерин вопрос. У меня был реальный ответ, но вслух я сказал: «Вспомни, сколько нам там пришлось шурфов накопать? Чем больше мы ели, тем больше копали! Лопаты нам дали мелкие, а грунты там не так себе!» «Ну, да!» - сказал Валера и задумался над тем, о чем бы ещё поговорить. «Хихихи!» - опять произнёс Серёга. Он не любил копать, но вот за лунами он здорово проследил и все продумал. В общем вопрос про Дашу остался без настоящего ответа. Скорее появились новые вопросы, которые раньше мы себе почему-то не задавали

Глава 4.

Открытие стерильности пригодной для обитания «S23 ultra» взорвала научный мир нашей планеты. Одарённые внуки Илона Маска заложили в материале давно разработанный проект трёх огромных кораблей для вывода большой экспедиции за пределы земного тяготения. Затем, эти космические тела, используя солнечные паруса подхватят звездный ветер и уведут сами себя за пределы солнечной системы, а далее уже, включатся тяговитые антигравитационные аппараты «гравипап», которые и унесут новых землян далеко далеко и быстро в другую галактику, к той самой планете, где мы с друзьями провели незабываемое время.

Да, да, незабываемое, несмотря на продолжительное серое, унылое, безпогодное пребывание в однотипных комбинезонах, на сбалансированных тюбиках с питанием и водой. Что-то в нас было для этого и рекрутеры наверняка заметили качества наших характеров оказавшихся стойкими к данным испытаниям. Нас не сломали ни тесные космические звездолеты, ни физические тяготы обживания с лопатой каменистой поверхности. Однообразие существования скрашивали наши изобретательные варианты накопанной, «подземной архитектуры». Отсутствие потрат времени на бытовые занятия, отсутствие женщин, алкоголя и электронных гаджетов позволяли нам там погружаться в философские беседы и удивительные рассуждения о сути наших земной и неземной жизни. Мы говорили о космосе и боге, о смысле жизни, о добре и зле, об истории человечества и его дальнейшей судьбе. Рассуждали о природе мате-

рии, начиная от зарождения Вселенной, о ее развитии, её «непонятках» и о её способности схлопнуться назад. Нас волновало и никем непознанное нематериальное, совершенно не имеющее ничего общего с деньгами, или всем тем, что на Земле мы называем «материальными ценностями».

Обитая на голой планете в идентичных, вечно свежих и неспособных потрепаться одежках, подпитывая себя из тюбиков, постоянно занятые копкой планетарных обиталищ, мы потеряли, на это время, земное понимание о «земных потребностях», но нас сильно заинтересовало и побудило желание разобраться с вопросом о душе. Ночные наблюдения за тремя лунами, а также незнакомыми созвездиями, где мы сами обнаружили местный «млечный путь» и попытались выяснить существуют ли у нашего солнца-звезды другие планеты, придали нам ещё один мощный импульс к дальнейшему пониманию этой части необъятного мира, как и всего мироздания. Что ни говори, но долгое созерцание небес не проходит бесследно. Помимо усталости в районе шейных позвонков возникает физическое осознание непомерной тяжести своей собственной головы. Именно поэтому мы держим её на шее прямо, а укладываясь спать, подкладываем под голову подушку. А вообще-то продолжительные созерцания подвижных ночных небес, насыщенных бесконечными небесными светилами, планетарными и кометными телами, полыхающие дождями сгорающих метеоров и метеоритов пробуждает работу вашего мозга на всю его глубину, пробуждая ваш внутренний космос, потихоньку увядавший ранее в пьяном угаре.

Такой опыт серьёзно обогатил наш коллективный интеллект, наши души, запитал наши характеры непорочной, невидимой энергией полыхающей по всей нашей Вселенной. Наверное отчасти и поэтому Дашина девственность оказалась здесь в полной безопасности. Дашу берегли в условиях каменистого дискомфорта, ей прощали грубые матримониальные и неуместные здесь ремарки. Мы защищали Дашу от солнечных ожогов, ворочали большие валуны, расширяя её обиталище, охотно подпускали её, как единственную особу, к участию в наших философских, ночных бдениях и диспутах. Здесь также ей позволяли поверхностные, банальные, всецело, по женски «приземленные» постулаты, изрекаемые тоном хозяйки дома, в котором обитал «малыш Карлсон», пропускали, «не замечали» ее нетерпимость к дискуссионным аргументам других участников. Даша была у нас одна и ей должно было здесь присутствовать, участвовать, проявляться, как и заслуживать гендерное прощение, все таки только у нее там всегда и хорошо пахло фиалками. Вот теперь, вернувшись домой, к знакомой земной пище, земной атмосфере, приодевшись в простое и привычное, а также поселившись в запертом карантинном ангаре, началась потихоньку наша земная деградация, где нам приходилось отныне уделять повышенное внимание, хорошо заботиться о сильной вентиляции своей обители. При этом наша коллективная, сформировавшаяся в другой галактике, интуиция, также однозначно давала нам ответ на никем незадаваемый вопрос, о том, что в новую экспедицию никого из нас не возьмут!

Сегодня Валера и Сергей играли уже 14-ю партию быстрых шахмат. «Я думаю, что теперь они наберут всяких спецов, современной техники, провизии на вкус любого гурмана!» - сказал Сергей делая ход ладьей. Валера, похоже, проигрывал и потому ответил не сразу: "Думаю туда наберут кучу самцов и тёлочек! Они ведь собираются заселять «23-ю». В прошлой жизни Валера прослужил на подводном и надводном флотах, был командиром и потому говорил всегда без сомнений, словно все знал наперёд. «Хихихи!» - сказал Сергей. Если по-настоящему его не расшевелить, то он именно так изображал смех и тут же спросил практически всерьёз: "Думаешь, Дашу возьмут?" «Да, ни фига!" - ответил Валера, делая ход: "Ей сначала клизму на полведра скипидара с патефонными иглами нужно сделать и таблетки дюфалака прописать трижды в день!" Тут Серёга и я расхохотались и потому не успели спросить о том, что же между ними произошло, как Валера продолжил: "Зашла, блин, ко мне в капсулу, расселась без приглашения, блин. «Не был бы ты" -говорит: "таким толстым, я бы жила с тобой! Блин!"»

Ни фи́га и блин Валера проговаривал всегда негромко и без выражения. Видимо они подменяли ему нужные на флоте крепкие словечки. В силу хорошего воспитания, последние он никогда не употреблял. В воображении легко представлялись его команды: "Боцману и всем свободным от вахты срочно собраться на верхней палубе, блин! Старшему офицеру подняться на мостик, нафиг!" Эта мягкость не очень вязалась с его огромной головой и такой же фигурой. Серёга: "Так она и к тебе приходила? И что ты ей сказал?" «Считай, что ничего не сказал! попросил Дашу простого чая заварить на кухне и пить там без меня. Мне дома женского внимания хватало с избытком, блин. Ленка, как на уколах, пристаёт сразу у порога, хоть домой не приходи! Нафиг!" - при этом глаза Валеры слегка сощурились и заблестели. Серёга же задумался. «Чё?» - Говорю Сергею: "И к тебе приходила?" Сергей посмотрел коротко в мою сторону и промолчал оставаясь в этой неожиданной задумчивости. Я осмотрелся вокруг. Большая часть участников нашей экспедиции распределилась по всему ангару. Ряды капсул частично светились внутренним светом через распахнутые двери, часть из них были закрыты. Кухня регулярно посещалась кем либо и сейчас там также был слышен разговор нескольких человек. Как изначально нас набрали в этот поход 'дворовыми' компаниями, так мы и «тусили» такими же компаниями. Ни мы втроем к себе никого близко не подпустили и к другим не прибились. По какой-то негласной причине, Даша все время считалась «нашей», хотя именно в эти последние дни она заметно отдалилась от нас и её можно было заметить то там, то сям с другими «однопоходниками».

Мои парни на время забыли про игру, а Валера и вовсе молча поднялся тяжело потопал на кухню. Он и на самом деле сильно поправился на обильных, вкусных земных харчах. «Ну, что, Василь, что с Дашей будем делать?» — заговорил улыбаясь Сергей. «Ты что-то хочешь с ней делать?» - по еврейски отвечаю ему. «Хихихи!» - захихикал Сергей избегая продолжения собственного начатого разговора. Я: "Так что же она тебе то сказала, интересно?" Сергей и тут промолчал сделавшись опять неуместно серьёзным. Мысленно у меня получилось несколько предположений, но я тоже решил промолчать: «Блин, нафиг!» «Для чего же они третий корабль заложили?» - неожиданно вслух проговорил, Сергей. «А первые два зачем?» - Говорю. Тут мы посмотрели друг на друга и в головах обоих одновременно пролетело: "Причём тут эта, Даша, на фиг!" А вслух оба проговорили: "Валеру, надо будет спросить! Блин!"

Глава 5.

По выходу из ангара наши руки занимали папки с премиальными сертификатами за успешно проведенную экспедицию. Валере, правда, влупили небольшой штраф за самовольно взятый грязный матрас, который сполна был компенсирован бонусом за сдохшую микрофлору и микрофауну все в том же матрасе. Ибо именно это открытие однозначно доказало стерильность планетарной среды. Помимо премиальных нам назначили постоянную стипендию, что автоматически превратило всех участников полёта в некое подобие лабораторных животных. Ибо, чтобы не потерять стипендию, приходилось теперь дважды в год являться на полумесячное, полное медицинское, физиологическое, физическое и психологическое обследование. Завершая обзац необходимо сделать искреннее признание, мы стали обеспеченными людьми.

«Блин!» - сказал, Валера: "Ленка прикатила! Данунафиг!" Лицо его при этом лоснилось, словно по нему прошлась кисточка с маслом для блинов, оно расплывалось, как тот самый блин на сковороде и округлялось, как под циркулем. В самом конце огромной парковки у скромной, но новой, розоватой машины, стояла хрупкая, светловолосая Валерина внучка, точная копия той самой Ленки, в тонком и лёгком платье без рукавов. "Вы, со мной!" - скомандовал наш флотоводец и широкими быстрыми шагами бывшего, генсековского гренадера зашагал, не оглядываясь на нас, сотрясая под подошвами попавшую земную твердь. Ох и здоров же наш Валера! Мы с Серёгой последовали не спеша. Оставляя им время посюсюкаться и облобызывать друг друга без близких свидетелей.

От огромной парковки во все стороны разбегался сейчас пестрый и разнообразный транспорт. По дороге к этой парковке мы пообнимались и попожимали руки многим сокопателям реголита. Как мы обошлись без конфликтов и лишних привязанностей, остается непонятно. Вполне вероятно, что те инъекции, которые нам вкалывали из опасений неизвестных инфекций, отравлений, на самом деле, содержали нечто иное, влияющие на наш темперамент и поведение. Может быть и тубики с едой и питьем имели непростое содержание. Так или иначе, все парни, будь то желтолицые тибетцы, бледные и рыжебородые скандинавы или тёмные, как смоль, потомки островитян из индо-пацифики, все, они, как один, светили сейчас свои зубы во весь рот, источали абсолютное дружелюбие, разбрасывали широко руки для объятий и скипали в последний момент от осознания окончательного и безвозвратного расставания. Эти люди рассаживались по сияющим, многоцветным семейным автомобилям, часть из них улетала на многоместных дронах. Были и такие, кто с голоду обнявшись крепко с земной своей половиной, не распуская объятий, неловко топали в подземку или на высотную эстакаду, по которым челноками метался общественный транспорт. Нас с Серёгой у ангара никто не встречал. Такое было наше условие.

Только через неделю, насладившись общением с близкими добрались мы в пельменную, ту самую, у бывшего кольца для разворота троллейбуса номер 1. Прошли эпохи с той поры, когда в городе преобладал общественный транспорт, зимы были холодными, сапоги от фабрики «сороход» толком не грели, но пельмени делали из качественного свино-говяжьего фарша, тесто месили по ГОСТу, добавляя в него соль поваренную и перец чёрный. 10 штук на блюдо с бульоном или без, со сметаной, маслом или уксусом на выбор. Простенько, как-то по нынешним временам, но вкусно, душисто и сытно. Брали по три «блюда», под столом наливали водку в чайные стаканы и мороз отступал вместе с дневными заботами, разговоры клеились, появлялись планы.

Давно уже сорвали те троллейбусные провода, новые дороги пошли вширь, блестят и стелятся во всех направлениях. По ним сияют и светятся коврами потоки амбициозных и не очень машин. Над городом летают частные вертолеты. Разнообразие брендовых и контрафактных одеяний современного горожанина таково, что нам познавшим суть идеального комбинезона нет смысла их отслеживать. Город воспрял и превратился из натужного морского труда со скрипучими заводскими воротами, паровыми гудками, огромными рыбобазарами, траулерами, крейсерами, буксирами, парами, лязгающими трамваями, дымящими «икарусами», шмыгающими «жигами» и «москвичами».. во что же он превратился? Потребуется слишком много слов, ибо корабли и заводы остались, но они скукожились и потерялись в ярком многоэтажном новострое, сияющем царстве зеркальных фасадов местных небоскрёбов «пропитанных» офисным планктоном, массажными парло, маникюрными кабинетами, кофешопами, банками, биржами, «рогами и копытами» на любой сюжет.

Рекордные пилоны и ваера подвесных и вызывающе привлекательных летящих в небе мостов доминируют отныне над городским пейзажем. Суконый общепит ушёл в небытие. Воспоминания о былых ресторанных брендах "Челюскин", «Золотой рог» и «Владивосток» затерялось в архивах и личных воспоминаниях дряхлеющих ветеранов. Кафешки и рестораны под Париж, Токио, Ниигату и Сингапур, или под Лондон и НьюЙорк, Шанхай и Пекин оккупировали первые этажи, подвалы и дворики «даунтауна», забрались в верховья суперстроев с круговыми обзорами на виды архитектурных вызовов, морских акваторий и островных ландшафтов, подальше от шипения сотен тысяч резиновых колёс по повсеместному асфальту. В районах попроще вас накормят в узбекских, таджикских, корейских, китайских, вьетнамских харчевнях для простолюдин. Есть и «совковые» бюджетные столовки, совсем неплохие, появилась экзотическая «Не рыдай», проросли за каждой дверью пивнушки, пиццерии, грузинско-армянские кухни, отечественные блинные, чайные и рюмочные.

Но мы то прилетели из другой галактики. Наши корабли и системы жизнеобеспечения не всякий футурист сможет познать и оценить. В то же время лопата в натруженных руках оставалась главным орудием выживания в первородной породе инопланетного тела. Ночь и день не имели там электрического света. Не было даже простого огня от костра, только небесные светила. Нас не отвлекала и не развлекала пестрота земной жизни. Капризы и конфликты сословий, поколений, расовых, идейных и политических расхождений, не имели места от слова совсем. Тем более отсутствовали погоня за модой и ямарка тщеславия, все это пропало за дальностью космической дали в непостижимом бесконечном космическом вакууме. Сотни миллиардов галактик, прочие светилах поменьше, оказались простой космической пылью в этом просторе, но кто же тогда мы, существа, микроскопичность которых также трудно вообразить в масштабах этого мира. У нас там было время подумать! Чудом выжившая архаичная пельменная с натуральными пельменями по совковому ГОСТу и «столичная» водка с крышкой «бескозыркой», да граненные стаканы, именно они и, только они, понадобились нам троим для тихой, спокойной послеполетной встречи в стороне от суеты сует на родной Земле.

Глава 6.

Мы мало говорили в этот раз, просто сидели очень хорошо. Долгие экспедиция и карантин сказались. Обеспеченная жизнь на земле изменила её прежнее содержание. Дети и внуки давно самостоятельны, быт налажен, болезни исчезли, а мы втроем перестали стареть. Что-то там с нами кардинальное произошло. Светская жизнь, в каком бы виде она не доходила до нас, казалась мелкой, поверхностной, почти пародийной для человека разумного, исключительного по созидательным способностям биологического вида на Земле и, пока, даже во всей досягаемой для наблюдения Вселенной.

Творческие люди, конечно, продолжали творить. Помимо вылета за пределы нашей галактики, клонирования мамонтов, обустройства поселений на Луне и на Марсе, колоссальных прорывов в разработке идеальных видов топлива и многого другого, происходили также тектонические изменения в политической, экономической и финансовой жизни планеты. Созидатели не останавливались и продолжали работать. Их гений, таланты и склонности обнаруживались интеллектуальными сканерами фильтрующими биологическую информационную склеру нашей планеты. Найденным талантам предоставляли шикарные возможности для самореализации, также как и помощь набравшего немислимую мощь искусственного интеллекта.

Недавно стали известны детали запрета по проектам по клонирования троглодитов и неандертальцев. Глубокий анализ их последствий с помощью независимого ИИ дал однозначно отрицательный ответ. Поскольку даже один единственный биологический вид *Homo sapiens* умудрился саморазделиться границами на сотни государств, практиковать тысячи разных религий, заговорить на сотнях разных языков и тысячелетиями вести самоуничтожительные войны. Потому то появление других видов «человеков» делало будущую разумную жизнь абсолютно непредсказуемый. Вот об этом и поговорили немного в пельменной после третьего стакана.

«Чем ты сейчас занимаешься, Валера?» - прохихикал Серёга, когда умял четвертую порцию с уксусом. Валера, к этому времени уминал десятую. Там была долгая пауза, и, даже, когда Валера дожевал последний пельмень, он сначала подозвал Аню в белом фартучке и таком же кокошнике. Аня подошла с алюминиевым подносом, собрала посуду, поставила новую бутылку и ни разу не улыбнувшись развернулась в посудомоечную. Друзья посмотрели ей вслед. Аня была хорошо сложена, но тёмная бордовая юбка на ней выглядела тяжеловато, стрелки на плотных чулках Брестского чулочно-носового комбината слегка скрутились, а низкие каблочки на скороходовских туфельках подтоптались. Мы переглянулись и показали друг другу, то ли оцепеневшими, то ли остолбеневшими. "А я ведь эту Аньку по молодости дважды в кино приглашал, в «Зеркальном» разок поужинали, а однажды она у меня на корабле осталась и три дня не выходила из капитанской каюты! Блин!» — Валера ещё что-то хотел сказать, но тут Аня

вернулась с мокрой тряпкой. Смахнула несуществующие крошки со стола, шлепнула пачку салфеток на мокрую поверхность, выпрямилась и осмотрела нас сверху, поправляя заколкой сдвинутый кокошник. «Точно, Анька!» - пролетело в головах, а один из нас даже произнес это негромко, на выдохе. Тот же средний рост, талия, как у Гурченко, грудь, как у Бардо, губы, как у Лорен. Бледненькая, конечно и помада размазана, а тушь и вовсе, словно на вокзале в туалете у облупленного зеркала наносила. «Анька» усмехнулась и опять безмолвно потопала в своих «сорокоходах» на кухню. «Постой!» - говорит Серёга: "Ту то вроде, все таки, Манькой звали?" "Манька-Анька, ты же видишь, точь в точь, как та! Блин! Ну и ладно! Теперь то вот поговорим! Нафиг!" - Валера крутанул в кулаке политровку и смятая шляпка «бескозырочки» исчезла в его огромной ладони.

Мы забыли, навремя, про Аньку. Жизнь вокруг нас развивалась с невероятной скоростью. Раскрепощенный и объединённый, нацеленный на стремительное развитие и прогресс, молодой общечеловеческий талант, творил чудеса и открытия и изобретения шли со стахановским энтузиазмом. ИИ роботы взяли на себя всю производственную деятельность. После окончания последней войны границы стали прозрачнее, глобальная кооперация взяла под контроль логистику и предотвращает перепроизводство. Исчезли таможенная и финансовая коррупция их напрочь вымыл искусственный интеллект. Стали сокращаться, вплоть до полного исчезновения национальные армии, штаты полиции, адвокатура, экономисты, бухгалтера. Практически все финансы перешли в виртуальный режим. Освободившиеся дееспособные люди стали находить себя во многочисленных хобби, участвовать в бесконечных конкурсах талантов, в решениях экологических проблем, отдаваться в распространившиеся исследования человеческих ресурсов и скрытых способностях.

В информационный банк индивидуальных человеческих открытий и творческих предложений пошёл полный поток таковых. Именно они стали Серёгиным хобби. Трубогибочные инструменты, одноручные домкраты, теплицы с окнами «ушами», топливные брикеты из замоченных на улице в купальный ванне старых картонок и отпрессованных на дворовом прессе, все это ушло в прошлое. Негнущиеся гвозди, магнитные шурупы самоверты без шляпок, ботинки самоходы с конвеерной подошвой, он порождает ежедневно и 90% из них регистрируются, как изобретения. Серега идёт тут 25-м месте в абсолютном зачёте. Илон Маск 7-й, но там, конечно все квантовое и космическое, да и инструментарий у него пошире. У Серёги во дворе стоят тиски на вкопанном бетонном фундаменте, ручной пресс на допотопных гидравлических домкратах, сварка, болгарка, большой пылесос, набор ключей и «космическая» лопата. Последнюю он в надувной матрас завернул и, как-то проскочил с нею на Землю. В общем голова у него варит и по-прежнему творит технические чудеса!

«Так чем ты сейчас занимаешься, Валера?» - повторил вопрос, Серёга. Валера ещё раз посмотрел туда, где исчезла Анька, повернулся к столу, постучал пальцем по стакану: "Не поверишь! Блин!" - говорит: "Занялся глубоко историей. Вначале просто про Чингисхана почитал, потом про Македонского, по гуннов с Атиллой, а потом назад про древнего человека, про мамонтов, про первую бабочку из куколки, про то как динозавров зажарили, как Луна нас долбанула и, теперь уже не остановиться. Блин! Закрытых файлов и источников не осталось, все исторические фэйки смели в информационную уборную! Изучай и не парься, нафиг! Про Марию Медичи и про Робеспьера на сегодня наметил, если не упыёмся!" - Валера посмотрел на наши уполовиненные стаканы и даже «блин» забыл добавить. «С вами только для разогреву! Нафиг!" - закончил он свою речь. "А ты, Василь, что делаешь, чем занимаешься?» Подошла моя очередь, как раз когда мне потребовался небольшой перерыв. Заодно, думаю, на кухню зайду, ещё раз на Аньку посмотрю.

Глава 7.

Когда я вернулся к столу, мои друзья расслабленно сидели откинувшись на алюминиевые спинки стульев. Вопреки хрупкой на вид конструкции, стулья хорошо держали массивные

тела моих собутыльников. Мне вспомнились наклейки из жёлтой бумаги на обратной стороне сидений этих стульев. Когда-то, давным давно, уборщица тётя Катя, фронтовичка-пенсионерка, одной рукой опрокидывала их на столы, чтобы пройти шваброй между столовых ножек. Там, на бумажках был прописан ГОСТ, стоял знак качества и номер дальневосточного авиапредприятия. Похоже, что это и есть те самые стулья с вогнутыми фанерками в качестве сидухи.

«Василь, а где наша Дашка, ты не в курсе?»- спросил зевая, Валера. Серёга тоже вопросительно посмотрел на меня. «Таки Дашка наша, а спрашиваете меня?»- я посмеялся. Теперь это уже давнее воспоминание. На выходе из ангара, раскрасневшаяся и смущенная Даша, не говоря ни слова, метнулась мимо нас, смешалась с толпой и это было всё. Она не приходила на медкомиссии межгалактической группы. У неё не брали интервью, коих было множество сразу после нашего выхода в свет, и она ни разу не засветилась в модных, в те времена, чатах. Даша исчезла из нашей жизни и мы были этим немало озадачены. Полагали, что вышла замуж и укатила на тёплые уединенные острова, что стало очень модным из-за чрезмерного объёма коммуникаций вызывающих различные синдромы у нервических личностей. Мы также слышали, что отдельных членов нашей экспедиции изолировали в глухие солитарии без публичного объяснения причин. Этим слухам мы не очень доверяли. Полагали также, что она поменяла внешность и документы, чтобы встречаться с более молодыми партнёрами. То, что после приземления в ней пробудилась настоящая женщина, мы не сомневались, но не более того. Ничего фактического и достоверного о ней у нас не было. «Ты, чё, соскучился, Валера?»- это я. Валера: "Да ну нафиг!" Серёга: "Хихихи!" Я уселся на свой стул. Мой стакан с водкой остался не тронут. Подумалось: "Похоже мы все соскучились по ней!" Дашка не была умна, но она была искренняя, напористая, активная собеседница, избегала физическую работу и, при всех её женственных чертах, по поведению напоминала амбиционного подростка, который только только достиг своего пубертатного возраста. В зале пельменной давно уже никого не было.

Силой воли мы добавили очередную бутылку обсуждая изобретение Серегиных стелек. Валера хотел бы создать подобный самодвижущийся матрас, но мы с Серёгой сошлись на том, что тогда уж лучше надо поработать над ковром самолётом. Левитацию современные ученые уже начали изредка практиковать, особенно в опытной студии наследников Маска, но большей частью это были эксперименты с тяжёлыми машинами. Идеей с ковром мы загорелись и свистнули Аньке, чтобы принесла ещё одну бутылочку. Ковёр-самолет пришёлся бы кстати. Из-за повсеместного распространения автопилотов наземные поездки стали до безобразия скучны. Ковер-самолет вытянул бы нас снова из дома и мы бы прошли, пролетели по всем тем девственным местам, о которых мечтали с юности. Там, где нет посадочных площадок, куда не протянули дороги, где хариус и форель остались не прикормлены, медведи сыты и не агрессивны, а тигры и леопарды, воспитанные вдоль «леопардовой» тропы, приходя сюда готовы подставить человеку свое ухо почесать совсем, как домашние «мурки и маркизы». Там можно будет насмотреться на звезды, на планеты, перечитать заново млечный путь и нарыть отличных убежищ серегиной лопатой.

«Аня!»- крикнул Валера и тихо добавил: "Мать твою!" Мы с Серёгой переглянулись, а Валера непривычно напрягся. Аня подошла, он уставился на неё и флюиды воспоминаний заструились из его глаз при том, что лицо его оставалось неподвижным. Видеть флюиды, это был ещё один наш дар сформировавшийся на планете S23Ultra. «У них точно была бурная история в его капитанской каюте! Это факт!»- было наше с Серёгой открытие и заключение. Парадокс был в том, что от Аньки никаких флюидов не исходило. «Холодна эта чёртовка, однакож!»- Это тоже было наше синхронное заключение, но оставались вопросы. Валера хоть и выглядел сейчас словно замороженный на много лет в свои ннн-десят с большим хвостом, и это все под влиянием другой планеты, но Анька то каким-то чудом, осталась «замороженной» в свои 20-25 не покидая Землю? Нам надо было выпить ещё. Вопреки былому, чистая водка

не туманила, а, напротив, просветляла теперь наше интергалактическое сознание. " Мальчики, вам пора домой, заведение закрывается!"- Аня произнесла это нейтральным голосом, игнорируя прожигающий Валерин взгляд. Рядом с ней стояла толстенькая, румяная повариха Рая готовая с подносом и тряпкой для уборки со стола. Улыбка у Раи была такая же мягкая, как и она сама, ее золотой зубик весело поблескивал в верхнем ряду, пальцами с ухоженными ногтями она слегка постукивала по подносу. Похоже, что она молча напевала какую-то песенку просебя. Аня развернулась к выходу, Валера вышел из оцепенения, но ненадолго. Аня шла в светлых кроссовках на толстой подсвеченной подошве, брюки, блузка, золотая заколка и идеальный макияж преобразили её столь разительно, что оцепенели теперь мы все, кроме Раи. Но и это было не все, на улице её поджидал представительский китайский «Honqqi», по старомодному, с шофёром в униформе и фуражкой с кокардой. Рая захихикала глядя на нас: "Вообще-то мальчики я могу вам подать еще!" «Мальчики», которым на троих уже было за двести, сразу и глубоко полюбили эту Раю.

Глава 8.

Рая исчезла на кухне и Серёга попробовал вернуться к теме с ковром самолётом. «Это"- говорит: "только кажется, что с ковром будет все просто! На самом деле, это же не тканый ферганский или афганский ковёр, как в мультике, придётся заряжать! Там материал ещё поискать придётся и он не будет ни тканым, ни вообще, ни из шерсти, ни из хлопка. Тут что-то из нанномембран надо будет собирать в сотовую конструкцию толщиной миллиметров в сто, площадью в метрах пять на пять, для нас троих, и общим весом не больше 50-ти кг». Видно было, что в голове у него уже и нейроны разогрелись и мозговое кровообращение улучшилось. «Серёга, у тебя в гараже его не поместить, а во дворе всякая шушера будет наблюдать за каждым шагом из соседней двадцатизатки. Блин! Давай завтра поговорим об этом, как следует, нафиг!"- Валера явно оставался еще под наркозом необъяснимого Анькиного феномена. Про ковёр сейчас было точно не для него. «Не сделаем ковёр, я свалю добровольцем в любую экспедицию, даже если снова за пределы галактики. Нас здесь только трое осталось, с молодёжью говорить не о чем, у них свои дела, спортом уже не займешься, скучно! Звёзд в городе ночью не видно! Остаётся только историю изучать, водку пить или, вот этот ковёр строить и тогда, может быть, опять босиком походим по нетронутой дикой траве, порыбачим на перекатах, с тиграми подружиться, а по ночам будем небо изучать, как мы делали это там"- я закончил, как раз, когда из темноты появилась Рая. Свет сейчас горел только над нашим столом. «Если с ковром не получится, я с тобой улечу, нафиг"- пробурчал все в той же глубокой задумчивости Валера. "Куда?"- спрашиваю его. "Куда угодно! Блин!"» «Я тоже!"- присоединился Серёга: "Задолбали эти соседи!» Раин поднос звякнул по столу в самое время. Там «дымилась» запотевшая «Московская» с той самой этикеткой из простой бумаги и указанной ценой на ней «2руб.87коп.»!

Из юности полыхнуло воспоминание. В Ждановском порту ездил ведомственный «зиллок», который никогда за пределы порта не выезжал. Там таких несколько было. Номера регистрационные им были не нужны, но докеры для разнообразия вырубали из жестижки свой, навесили его и обозначили чёрным по белому «МВ 2-87», и по тем временам это выглядело настоящим «вызовом системе»!

«Ха!"- выдохнул Валера и крышка смялась и исчезла в его лапе. Серёга принёс стул для Раи. Польщенная молодая женщина покрылась ещё большим румянцем и аккуратно присела, расправляя казенную бордовую юбку и белый передник. Помимо водки она принесла небольшую эмалированную, с небольшим сколом, синюю кастрюльку. В ней купались горячие пельмени и Рая не спрашивая наполняла ими нам свежие, чистые тарелки. Ложки и вилки она также обновила. Все было в точку. Мы к этому времени заново проголодались и нам нужен был свежий толчок для нового разговора. Кто знает, когда мы ещё здесь соберёмся, если вообще. Жизнь вокруг развивалась сумасшедшими темпами, а мы в ней зависли, не старея, не болея, но

и не участвуя и это нас не устраивало. Жить зазря мы не хотели! Первую рюмку пропустили «за Раечку!» Вторую, просто чтобы время не терять! Пошло очень хорошо! Рая сидела спокойно, сложив руки на переднике, и смотрела на нас, как на рыбок в аквариуме. Когда мы перекусили пельменями, утерли пот со лба, она убрала посуду, вернулась и снова присела рядом. Мы, в это время, держали паузу для приличия и придумывали тост для третьей.

«Мальчики, а вы правда были в той, самой первой экспедиции!» - Рая продлила нам паузу этим вопросом. «Мальчики», младшему из которых было далеко за «Nnnnn», зависли и несколько раз переглянулись. Общество стало уже забывать «про ту экспедицию». Нас давно перестали приглашать на передачи, брать интервью или спрашивать автографы. Новое поколение не узнавало на улице, а старое уже, большей частью, поизжилося на Земле. Зато вот на Луне к этому времени строили огромные поселения, вскоре собирались провести там первую лунную олимпиаду. Спорт вообще стал удивительно массовым и интересным. Стало казаться, что все население планеты, которое не смогло проявить себя интеллектуально, не могло изобретать и производить, начало прыгать, бегать, ходить «по норвежски», стрелять по мишеням, плавать, скакать через барьеры на чудесных лошадках, фехтовать, перетягивать канаты, грести на каяках через все водоёмы, включая океаны. Пожаров уже давно не было, а соревнования пожарников стали набирать невероятную популярность. Зрителям нравился живой открытый огонь. Возраст соревнующихся не ограничивался. На стадионах с утра устраивали гонки младенцев в памперсах, которые только что научились ходить, а к вечеру такие же, в памперсах, для дедушек и бабушек, которые не сдавались и продолжали ходить, хоть с палочками, хоть с ходунками, но наперегонки. Мы втроем выпали из этой жизни. По возвращении Земля представлялась нам теперь очень малым космическим телом. Мы были счастливы безмерно, когда прекратились войны и человечество раскрепостилось. Былые элиты, которые все это здесь «заваривали» смылись от греха подальше на Марс. Они давно к этому готовились и обустроились там совсем неплохо. Хотя я ещё сохраняю надежду, что правосудие до них доберётся.....

«Раечка, зачем тебе это?» - Валера, может быть иногда таким, нежным, внимательным и без «нафигблин». Рая сидела сейчас серьёзная, спокойная и внимательная. Она осмотрела нас по очереди и обращаясь ко мне произнесла: «У меня папа пропал без вести во второй экспедиции». «Во второй!?» - хором переспросили мы. Мы, конечно слышали что-то про возможную вторую экспедицию, но тогда ещё не закончилась последняя война и информацию о ней то ли скрывали, то ли придерживали, а мы ещё не отошедшие от первой, слегка потеряли интерес к прикладному космосу. Нам нечего было ответить Рае и мы открыто об этом признались. Пить третью уже не стали. Непонятно, что они теперь делают с этой водкой, но хмель ушёл у нас быстро и на утро никаких тяжестей в голове тоже не ожидалось. «Я вас развезу» - сказала Рая, когда мы были у двери. На улице было спокойно. Мягкая тёплая ночь, мягкие заливающие все пространство уличные огни, мягкий шелест тысяч шин по ровному, как стекло асфальту. Красный поток шёл в одну сторону, золотой в другую. Слева темнели деревья в большом парке и в выси над ним огни города отражались в золотых куполах храма.

Рая навесила тяжёлый старинный замок на косую, через всю дверь, стальную петлю. Стиль здесь соблюдался до последней детали. Мы спустились с крыльца, по побитым временем ступеням, где нас ждал крохотный ретро автомобиль. Рая открыла две дверцы с обеих сторон и мы с Серегой втиснулись на заднее сиденье. Для Валеры переднее пассажирское сиденье пришлось снять и оставить у крыльца. Валера сел на пол. Рая завела громкий мотор, он оказался прямо под нашим задним сиденьем и, поразительно ловко влилась в поток. Я ещё помнил такую машину. Она была у «Мурика» из группы профессора Преображенского в академическом институте географии. Именно на такой его тачке готовился к экзамену по вождению. «Боже, когда это было!?» - я попробовал подсчитать годы. Рая сказала: «Это папина машина. Буду ездить на ней, пока он не вернётся. Он говорил, что такие машины делали только на одном

заводе, где-то у Днепра и он сам её перегонял». Раин папа и вторая экспедиция станут теперь нашей темой и пока мы не раскопаем её до дна, нам будет не до ковра самолета

Глава 9.

Утро потихоньку развивалось. Луна на западе заваливалась за вершину китайской горы Шитозидонгу, тогда, как на востоке, сереющее небо уже слегка подсвечивало портовые краны. Костёр на площадке берегового склона продолжал рассеивать остатки тепла, но ни огня, ни дыма уже не производил и только угли светились от сгоревших чурбаков. Пегий пёс с закрытыми глазами спокойно лежал у босых Валериных ног выступавших из под тяжёлого пледа. Плед скрывал, спящего в раскладном кресле друга до плеч. Справа от Валеры в таком же кресле сопел Серёга. Его плед свалился на землю. Мое кресло пустовало, так как я провел ночь в доме.

Город был теперь далеко от нас и уединенная посъетская усадьба на мысе Шелеха служила идеальным местом для глубоких размышлений об оставшейся жизни, для обсуждения «накопанной» информации, для наблюдения за небом и... для построения отчаянных планов, чтобы преодолеть возрастную скуку. Доживать жирея на диванах, мы не могли конкретно. В этом была и наша драма, а может быть и наше спасение.

Заря стала ярче, в соседней усадьбе заработал жидкотопливный мотор автомобиля, послышался также шум раздвигаемых ворот. С другой стороны дома зашумела вода для автополивки огорода, а далеко в порту прогудел буксир.

Прошло, наверное, уже больше недели, как мы здесь. Никто из нас давно не следит за днями и датами. Они сами выскакивают на инфоэкранах, когда мы делаем запросы на поиск или анализ каких либо данных, но к вечеру именно названия текущих дней и даты вылетают из нашей памяти за их полной ненадобностью. Прошли многие годы, как мы выпали из системы и живём полностью независимо, но также и невостребованно.

Приходит утро, мы просыпаемся, начинает тело чесаться, мы моемся, появляется чувство голода, мы едим, пьём от жажды, и только к вечеру у нас всегда есть определённые планы. Мы заранее решаем, где соберёмся, что будем есть, что пить, а затем слегка передохнув, не жалея себя и свое здоровье, будем сообща и бесконечно штурмовать мозгами собранную за день информацию. Если мозги где-то застревали и мы не могли понять или решить некую проблему, мы с огорчением наливали порочный напиток в надежде, что это смажет нам заржавевшие мыслительные механизмы и они лучше завертятся. Если же, наоборот, удавалось найти крайне необходимую информацию и у нас складывался информационный пазл, или приходила нужная догадка, а то и случалось долгожданное озарение, в этом случае мы наливали со спокойной совестью и поздравляли сами себя.

Валера проснулся первым, скрипнув креслом, грузно поднялся, наступил псу на лапу, громко чихнул. Пёс твякнул. Серёга не пошевелился. Зевнув, Валера громко заговорил: "Это не мог быть Маск!" «Почему?» - хрипло, не пошевелившись и не открывая глаз, спросил Серёга. «Надо Василя позвать и кофе или чаю заварить. Я всё продумал. Это не мог быть он!" - Валера осмотрел стол. Чистые рюмки стояли перевернутыми в центре стола. Там же была недопитая водка в завинченной большой бутылке.

«А кто у нас тут вчера прибрался?» - удивился Валера. Серёга наконец-то разлепил свои глаза, проверил очки, висевшие на груди, пошлепал по голове ладонью, выравнивая волосы, огляделся. «Соседка, вроде, приходила. Ты уснул раньше меня, когда мы с Василём ещё пытались подсчитать сколько запусков происходит в год. Можно, кстати, пропустить по одной до чая, раз ты там чего-то придумал. Василь все равно с утра не будет" - похоже Серёга в это время окончательно проснулся. Друзья наполнили утренние рюмашки и честно хлопнули «за открытие», но Валера для продолжения разговора все равно решил дождаться меня.

«Пойдём сначала глаза промоем, а я может быть даже душ приму. Припотел что-то под этим пледом, блин!" - что явилось первым признаком того, что и Валера трезв, бодр и оконча-

тельно проснулся. Когда мы собрались у стола солнце забежало по небосклону существенно выше сопок на полуострове Краббе. Стол нам в это утро накрыла наша душечка Раечка. Она вчера к вечеру припылила сюда на своём «Запоре». Это Серёга вспомнил про столь непривлекательную кличку древнего ретро автомобиля. Мы с Валерой попросили его не употреблять такое название при Рае. Рая годилась нам в дочери, а то и во внучки и была чудесным, непосредственным и непритязательным существом.

Она привязалась к нам, как юная тимуровка, глубоко переживая за пропавшего отца. Знакомство с нами облегчало ей чувство тяжести от этой потери, при этом, она быстро почувствовала, что и мы в этом мире оказались по-своему одинокими динозаврами и она добровольно взялась охотно нас приручать. Хотя многого нам не требовалось, она все равно справлялась о наших потребностях и завозила вечерами в городе что-то из продуктов, гигиенической мелочевки, а то и нечто посерьёзнее, типа той же водки или иного ликёра, если таковой каприз случался. Все это легко можно было получить через курьеров или с применением дронов, но Рая охотно перехватывала заказы, только бы видеть нас почаще. Она бы и одежду нам стирала и штопала ее, но эти потребности в современном мире отмерли. Вся одежда стала одноразовой, за исключением формальной, модельной и, специальной спортивной. Порою Рая бралась за уборку наших жилищ, но это, с сожалением, мы были вынуждены отвергнуть. Ни пыль, ни грязь в современных городских домах не накапливались, а то, что она воспринимала за беспорядок, был у нас, чистой воды, творческий. Старинные печатные издания и бумажные файлы приходилось раскладывать по всем поверхностям дома для пролистывания, прочитывания, сканирования и оцифровывания. То же со старомодными «чипами. Для их считывания на экзотичных барахолках приобретались допотопные дисководы, универсальные „басы“ и даже магнитофоны. Слишком долго мы задержались на этой планете.

Другое дело в Посъете. Здесь все было во многом также, как в той самой ретро пельменной. Здесь мы мололи кофейные зерна в ручных кофемолках. Чай заваривали листовой. Жарили пищу на открытом огне в сковородках. Тут не привились бумажные тарелки и стаканы. Посуда имела в стеклянном, фарфоровом, стальном, чугунном или алюминиевом исполнении. Мыли её, после употребления, тёплой водой с тряпками и мылом. Опять же, как в той пельменной.

Мы ни разу не приглашали Раю, но она и не просилась, а просто приезжала «попасти» своих динозавров на природе. При этом не останавливалась в моем доме, а тактично устраивалась на одной из баз у моря в двух шагах от мыса Шелеха. Она нас радовала своим присутствием, но и стесняла существенно. Ведь при ней мы не могли вслух свободно обсуждать воспоминания о первой интергалактической экспедиции. По ряду позиций к нам применялись пожизненное подписки о неразглашении. Также мы очень осторожны были в раскрытии, в целях и в методах сбора информации и, тем более, в рассуждениях и построении собственных планов на довольно близкое будущее. Рая это ощущала и потому подолгу не задерживалась. Сегодня наш день мог полностью выпасть. Было бы бесчеловечно отправлять её в течение одних суток. Путешествие сюда на ее «За..ре» по современным меркам оставалось очень утомительным.

Глава 10.

Мы хорошо провели этот день. Рая много купалась, хорошо плавала с собакой. Подавала нам на стол и убирала за нами. Валера классно приготовил местного пиленгаса на мангале, Серёга обкосил участок, поправил осыпавшиеся ступеньки на склоне. Мне оставалось только повозиться с водопроводным краном, да побриться. Остальное время ходил на пляж присматривать за Раиными тапками, очками для солнца и халатиком, когда она плавала с «Бернардом». Так звали нашего дворнягу. Рая, оказалась отличной пловчихой. Не то чтобы она там выдавала что-то особенное кролем, брассом или, тем более, баттерфляем, но тело её всегда было высоко

на поверхности, двигалась очень естественно, то как уточка, то лягушкой, а то и по собачьи. Под водой и вовсе летала, как пингвинчик.

За столом в этот раз, при ней, не приняли ни грамма. Она нам рассказала про школу, где она дралась в первых классах с мальчиками, а потом очень полюбила астрономию и географию. Зубик ей раскололи, когда она стояла на воротах в гандболе. Она сама попросила папу, чтобы ей поставили золотую коронку, как у прабабушки на старом портрете. Про маму она ничего не сказала, а вот папа ее был лётчиком на огромных тогдашних самолётах. Я хотел было спросить её про нашу Аньку из пельменной, но Валера прижал палец к губам и пришлось воздержаться.

«Рая, а как ты в эту пельменную попала?» - этого я не мог не спросить. "Ну, она у нас рядом и папа рассказывал, что он когда то с друзьями туда часто ходил! Там, конечно, пахнет не очень. Пельмени эти, тряпки мокрые, мыло какое то хозяйственное, но сейчас я привыкла. Раньше то я в океанариуме работала, там где астероид нам Землю разбомбил. Интересно было детям рассказывать про пожар, про динозавров, а когда папа улетел, мне расхотелось туда ходить и в пельменную, как раз искали работника. Там бывает прикольно. Такие люди приходят, каких на улице не встретишь!» «Как мы, да?» - это Сергей Борисович вставил. "Ну да" - говорит и так рассмеялась по детски, да с этим милым зубиком золотым, что мы все вместе от души похохотали. Считаю от одних динозавров, от вымерших, ушла к таким вот, как мы, ещё живущих.

Очень хорошо мы сидели. Ей тут бабочки и воробьи летали, из воды кефалевые рыбины выпрыгивали. В первый вечер она и на звезды со спутниками насмотрелась, а на Луне мы ей живую кратеры через бинокль показали. Да, ещё и лягушки ночью в болотце на перешейке расквакались. В придорожной канаве головастики плавали, она минут сорок на корточках за ними наблюдала заворуженно. Перед тем, как распрощаться, Рая успела нам лохмы на головах ножницами подтриммить. Волос то там уже немного, но подправлять иногда надо. Машина Раина все это время оставалась на базе и мы, хотели было, все вместе проводить её, но Валера сказал: "Готовьтесь к вечеру парни, надо будет кое что наверстать" - и подмигнул нам незаметно. Ну, что ж, похоже ему есть еще о чем-то поговорить с этой девочкой. Девочка расцеловала нас на прощание и они пошли потихоньку. Огромный человек, размером с кодыякского медведя на задних лапах и крохотная, рядом с ним, молодая женщина, которая всегда будет выглядеть, как подросток. Что-то она нам ещё говорила про своего бывшего парня, но так неохотно и несущественно, что я силюсь сейчас, а ничего вспомнить не могу. В дальнем конце пляжа Валера с Раей смешались с местной публикой, затерялись и пропали из нашего поля зрения.

Серёга вернулся к столу, достал из кустов ведро со льдом с забытой навремя бутылкой. «Василь, давай, чтобы сильно не грустить!» - и мы хлопнули по маленькой, да так, что в ушах у нас зазвенело. «Что это такое? Что за зелье нам попало?» - смотрю, а это дорогая китайская водка Квейчоу Маутай 58 градусов. «Откуда это?» — в шоке плююсь на чудо ранее невиданное. Мы то тут у местных брали «беленькую» белорусскую, ну или наше ретро уже упомянутые, «чиповое» и хорошо знакомое. «Василь, да я сам хотел у тебя спросить! С утра стоит тут прикрытое, ждать немочи было, едва удержался, пока вы там на пляже пропадали» - вижу, Серёга искренен. «Валера может быть знает, что-то? Нам ещё про Маска его надо расспросить, что он там надумал?» - говорю это, а внутри нечто нехорошее зреет: "К нам никто не заходил?" «Да вроде нет, хотя к соседям какая-то машина от „озона“ заезжала. Ворота у нас, конечно, на распашку весь день. Я их с утра открыл, думал Рая к нам на своём „За..“, на своём „Зае“ заедет. Совсем ненадолго ходил посмотреть, там где дом Синицина стоял, ну не знаю..» - мы задумались. Всмотрелись в яркую, дорогую этикетку, поболтали бутылку из очень качественного, как хрусталь, стекла и налили ещё по чарочке, чтобы не спеша, в этот раз, насладиться рисовым напитком с легким, хоть и сивушным, но приятным ароматом. И, опять мне показалось, что мои волосы на голове встали вертикально над своими корнями. «Ладно, остальное продолжим уже с Валерой» - Серёга согласился. Мы засиделись глядя сверху на море, на далёких людей на

пляже, на китайские горы на горизонте, на птиц на небе, совершенно не ведая, что ожидания наши сегодня совершенно напрасны. Ни Валеру мы в этот вечер не дождались, ни Раю больше не увидели, а отчаянные поиски наши только добавили нам фрустрации на годы вперед.

Глава 11.

Не дождавшись Валеры, мы уже в темноте взяли фонари и пошли на базу. По дороге, на берегу, нам попала молодая пара на раскладных стульчиках возле шикарного автомобиля незнакомой модели. Парень был в расстегнутой белой рубашке выпущенной из брюк. Ему было не более тридцати лет. Худощавый, ухоженный, загорелый, темноволосый, темноглазый с золотой цепью и электронными плоскими часами с транзиттером на руке, он расслабленно, спокойно и внимательно смотрел в нашу сторону, когда мы приближались. Девушка, в легком, белом платье из очень тонкого, современного, нетканого материала облегающего её точеную фигуру, спиной опиралась на грудь своего партнёра, и также смотрела в нашу сторону. Голубоглазая блондинка с зачесанными и откинутыми назад волосами, идеальной кожей, совершенным, прямым носом, высокими скулами и яркими чувственными губами смотрелась столь идеальным экземпляром, что поневоле подумалось о современной лаборатории, где генетически выводят вот таких вот гуманоидов.

На близком расстоянии она оказалось очень человеческой. Девушка смотрела на нас широко открытыми глазами, любознательно, с подростковым любопытством и неподдельным теплом, словно мы были ее давние знакомые люди, но которых она также давно не видела. Вряд-ли ей было более двадцати. Вчерашний ребёнок. «Добрый вечер, молодые люди!» - я старался говорить не очень медленно, не желая выдать воздействие хмеля, но тревогу свою я скрыть не смог. «Добрый вечер! Что-то случилось?» - спросил молодой человек отвечая на приветствие. Девушка просто кивнула своей головкой, но и у неё взгляд слегка напрягся. «Нет!» - говорю, но Сергей Борисович вставил: «Мы ищем своего друга. Он нашего возраста, но большой такой, за «метр девяносто» и сто пятьдесят кг!» Они переглянулись, а парень сказал: «Ну, такого то вы быстро найдете!» - он не смог сдержать быструю улыбку, но нам стало совсем не смешно. Они сидели прямо посередине пути, по которому Валера должен был возвращаться. «Значит не видели?» - Говорю. Они в ответ: «Нет нет, такого точно не видели!» И уже без всяких улыбок с сочувствием посмотрели на нас. «А давно вы здесь сидите?» - это, Сергей Борисович. «Пару часов точно, ещё закат не начинался!» - ответил парень. Девушка ничего не сказала, но по всему было видно, что она ощущает нашу тревогу сполна. Извинившись, мы обошли их машину и поспешили на базу, где Рая ночевала и держала своё авто.

Уже подходя, стало ясно, что здесь мы ничего не найдём. Территория за высоким забором темнела. Не светились фонари на столбах, окна чернели по всему этажу выступающему над забором, а ворота были заперты и никаких звуков оттуда не поступало. Стало совсем не по себе. В разгар сезона, в хорошую погоду, где ещё вчера, по слухам, здесь не было свободных мест, вдруг исчезли десятки людей с детьми, домашними животными, автомобилями и ни единого представителя рабочего персонала. И эта абсолютная тьма!?. Даже при консервации базы на зиму хозяева оставляли свет на высоких фонарях, а в былые времена и сторожей держали круглый год. Мы поискали кнопку звонка, помахали рукой в видеокамеры, покричали поверх забора, а потом просто стали стучать кулаками по створкам ворот.

Впервые за годы пожалели, что перестали пользоваться мобильными телефонами. Для заказов товаров в городских домах имелись специальные пульта, вроде тех, что прежде управляли телевизорами. Там же были и номера для срочной помощи. Причём набирать их не было необходимости, можно было просто громко запросить о помощи и чуткие микрофоны ловили крик, и транслировали сигнал в нужную службу. Ваша локация автоматически определялась с абсолютной точностью. Такие же девайсы устанавливались и на современных авто. Индивидуальные аппараты, подобные тем, что мы использовали и называли смартфонами, практиче-

ски вышли из употребления. Акустические, вызываемые голограммы сменили и телефоны и телевизоры. В моем посъетском доме мы имели глобальный доступ к публичным хранителям мировой информации, а вот спикера для скорой помощи я установить не сподобился. Слишком давно и самостоятельно вёл здесь строительство. Машин мы сейчас тоже не имели. От старых избавились, а новые, с автопилотами, заводить не стали. Сейчас мы стояли вдвоём в темноте и не могли придти в себя.

Давно прошли те времена, когда исчезали люди и полностью гасился свет. У нас больше не практикуют участковых. Покричав немного имена пропавших друзей, мы подавили в себе зарождающееся отчаяние. Старых друзей и знакомых в городке не осталось и мы решили вернуться на Шелеха и уже из дома сделать запрос на поиски Валеры... и Раи. Рая, по-хорошему, уже должна быть дома, а Валера, вот с ним было все непонятно. Не мог же он с ней уехать не поставив нас в известность. Кстати, Рая, скорее всего, уже сообщила на домашний приёмник о своём приезде домой. Она всегда так делала. У неё же и про Валеру спросим. Однако ж, наглухо погасшая и обезлюдевшая, буквально в одночасье, летняя база отдыха, была слишком плохим знаком от которого повеяло жутким холодом принесшим не лучшие воспоминания из прошлой жизни. Кстати, почему там был этот забор и эти ворота? Для экзотики, что ли? Или это тот же синдром, что держит нашу пельменную на плаву?

Парня с девушкой и машиной, на месте нашей встречи, уже не было. Нам стало жаль, что такие симпатяги появились и тут же исчезли из нашей жизни. Глубокая ночь уложила и успокоила все нормальное население городка. У моря не слышались обычные, в былые времена, летние посиделки, не шептались влюблённые, не бродили собаки. «Кстати, а где наш пёс?» - вспомнил я вслух. «Они вместе уходили» - сказал Серёга. Тяжесть одиночества нарастала с каждым шагом по дороге к дому. Уже войдя во двор во мне вдруг сработала интуиция, которая часто спасала меня в прошлой жизни. «Серёга, не заходи в дом, не включай никакие приборы, давай эту ночь проведём у костра» - в свете отдаленного уличного фонаря я смог рассмотреть его лицо. Он молча посмотрел в ответ внимательно и кивком согласился со мной. Потихоньку спустились к площадке на склоне. Не зажигая костёр, достали бутылку и, стараясь не звенеть, наполнили рюмки. Пили потихоньку, без тостов и без всякого энтузиазма. Уснули под пледами без разговоров.

Глава 12.

Сон был, на удивление, глубокий и спокойный. Хотелось еще немного побыть в этой неге, но сознание уже пробудилось и стало понятно, что сон больше не вернётся. Состояние расслабленности сменилось желанием потянуться, но почему то не получилось. Открыв глаза я увидел белесое свечение над головой, затем обнаружил такое же свечение впереди, а также слева и справа. Воздух при этом оказался сухим, неподвижным, лишенным каких либо ароматов. Выбравшись из под пледа, в котором целиком было обернуто моё тело, я обнаружил себя в кресле-ложементе посредине залитого светом помещения. Потянувшись и чуть не упав на светлый пол я рассмеялся вспомнив старый анекдот Райена, моего старинного приятеля, пьяницы, водолаза из нашей кодыякской братии. Даже поискал глазами страшную свою «судьбу», которая должна была сидеть в углу этого помещения. Вопросы о том, как я сюда попал и почему, после вчерашнего исчезновения Валеры и Раи, а также десятков людей на странной базе, не стояли. Чувство неизбежности новых и странных событий появилось ещё тем вечером. «Интересно, было ли это вчера или такой сон, если это сон, а не искусственная летаргия, которая могла затянуться на столько, сколько это нужно тем, кто нас усыпил? Нас! Где Серёга?»

Я встал на ноги с лежанки и опять чуть не упал. Не видя стен, углов и потолка, трудно было понять стоишь ли ты вертикально? К счастью вестибулярный аппарат сработал и я встал устойчиво, на всякий случай поставив ноги пошире. «Эй!» - я крикнул негромко и стало понятно, что помещение небольшое. Сделав несколько шагов от лежака свечение в помещении изменилось. Верх продолжал матово светиться, а по бокам оно начало угасать и проявились

светло серые стены. На одной из них обозначился контур двери, к которой я и продолжил движение. Опять неуместно посмеялся, наверное именно за этой дверью меня ждёт то бесформенное, опухшее, растерявшее волосы, слезливое существо, в котором, не без труда, можно будет угадать бывшую женщину. Это все из того же анекдота! Дверь свободно ушла внутрь от лёгкого толчка. На ней не было ни ручек, ни замков. Здесь также было много света с потолка, одна стена оказалась зеркальной, вдоль другой располагались агрегаты для душа, туалета, мытья и полки с бельём и полотенцами. Анекдот про потусторонний мир выветрился и голова начала работать посерьёзнее. Чей-то центр нас похитил и мы кому-то и зачем-то нужны! Я был уверен, что Серёга рядом и в подобных же условиях, а они неплохи. Эти камеры залиты светом, они не мрачные пещеры, и не землянные ямы зинданы для «кавказского пленника». Будем ждать, а пока не помешает привести себя в порядок.

Раздеваться было неловко, ибо поневоле казалось, что за тобой может быть идёт постоянное наблюдение с записью, но природные позывы усилились и пришлось мысленно послать выдуманных или реальных наблюдателей к чёрту. Облегчившись и освежившись я поискал свежее нижнее белье и оно все пришлось мне в пору и по размеру. Отказавшись в очередной раз удивляться, попробовал предположить дальнейшее продолжение событий. «Например, сейчас раздастся голос и... Нет, не так! Сейчас откроется ещё одна дверь и робот или красивая девушка вкатит столик с кофейником, чайником, яшницей, бутербродами... Хмм, а вдруг войдут два здоровых санитары со шприцами и клизмой... совсем ерунда! Зачем это!" - на этом я иссяк и почему-то возникло настоящее опустошение и огорчение. Незаслуженное лишение свободы, это самое унижительное состояние для нормального человека. Я дважды пережил его в российском бандитском плену в начале девяностых и в американской иммиграционной тюрьме в конце все тех же 90-х. Давно это было, но незабытые чувства вдруг сильно обострились.

Жизнь изменилась глобально и радикально. Войны прекратились полностью, изжиты терроризм и бандитизм. Даже искусство перестало муссировать эти темы. Необходимость освоения дальнего космоса, климатические вызовы, неизжитые болезни, далёкая, но неизбежная фатальная судьба планеты, ограниченность ресурсов, желание жить дольше, способность открывать и реализовывать таланты каждого, поиск иного разума, бесконечное познание существа материального мира, потребность ощутить и по-настоящему объяснить духовность не теряя при этом веры в необъяснимое, все эти естественные вызовы для разумного человечества сохранились. Ушло то время, когда они, как бы были осознаны, но пребывали в подконтрольном и угнетённом состоянии ибо миром правили огромные капиталы, держатели которых ощущали себя небожителями, схватившими бога за бороду. Все это позади! Кто, как и почему лишил нас свободы сегодня? Не имея ответа на этот вопрос, не слыша никаких звуков и, не ощущая никаких иных сигналов, я присел на лежак, потом прилёг и... похоже вновь улётел в царство Морфия. Или Морфея?

Глава 13.

«Вы подошли слишком близко! Вы собрали критическую информацию, которую пока нельзя выпускать в общедоступные публичные облака!» Ошарашенный, только что было успокоившийся после хорошего завтрака, который, действительно доставила приятная девушка на подвижном столике. Девушка была общительна и, вероятно интересная, но удивительным образом избежала ответов на мои вопросы. После вопроса: "Где же я нахожусь?" - в ответ на ее приветствия: "Доброе утро, Василий!" - чистый, глубокий голос, а еще это легкое старомодное приседание во время приветствия вызвали какой-то непонятный щелчок в моих мозгах. «Здесь!" - говорит, проведя рукой вокруг. И, даже не улыбнулась. Когда же я попробовал развить свой вопрос, вот тут она обаятельно улыбнулась, почти как родная дочка, но опять, вместо ясного ответа пожелала приятного аппетита и легким шагом в обуви на мягкой подошве вышла из помещения через дверь.

Эту дверь невозможно было заметить, настолько хорошо и точно она сливалась со стеной не оставляя заметного зазора. Потом она пришла за столиком, который был хорошо сервирован блестящей посудой похожей на футуристические медицинские приборы, идеально чистые, сияющие и обтекаемые приборы. Даже носик кофейника не имел заострения, заканчивался округло завальцованными краями.

Она опять поприветствовала меня лёгким приседанием, с улыбкой, безмолвно. Накрыла столик белоснежной салфеткой, а после паузы, глядя мне в глаза, не мигая, проговорила: "Вас приглашают! Вы можете сейчас последовать за мной или я зайду за вами через десять минут!" Я не онемел, но тоже не отвел глаз от ее и воздержался от вопросов о том, кто приглашает, куда следовать. Тогда она молча, моргнула наконец, двинула столик к двери возле которой задержалась, обернулась, опять улыбнулась безупречно обаятельно: "Через десять минут!" Для полноты картины ей следовало бы здесь подмигнуть, но нет. Дверь за ней закрылась и опять стало совершенно тихо. Дверь хорошо держала звуки снаружи.

Завтрак получился очень хорошим. Хлебцы кто-то поджарил так, чтобы подсушенные они слегка хрустели на зубах и имели аромат огня, но без малейших намёков на подгорелости. Пластинки салями нарезали очень тонко, наверно их можно было бы и не жевать, но именно легко жуя они наполняли рот ароматом итальянской вяленой оленины. Было здесь и пять видов твёрдых и мягких сыров, оливки без косточек, маслины, отменные тонкие нарезки огурцов и помидоров благоухающих огородными ароматами, сладкие перцы, жаренные сосиски, крем-овое пюре, омлет.. Этого мне хватило. Сегодня не было любопытства открывать все кастрюльки и судки заполнявшие двухуровневые полочки чудесного столика. Крепкий турецкий кофе и душистый, вероятно цейлонский, чёрный чай пришлось настолько кстати, словно это был удачный рецепт от доктора предписанный для поднятия настроения.

Чашка чая осталась со мной и я прошёл с нею к закрытой двери. Вернее было бы сказать, к тому месту, где находилась эта дверь. Даже оказавшись рядом мне не удалось рассмотреть проёма. Безрезультатно толкнув ее я получил ожидаемый результат. Глухая стена даёт такие же ощущения. Сходя в уборную и сполоснув опустевшую чашку, к сожалению, ко мне вновь начало возвращаться полное интеллектуальное опустошение. В голове был вакуум. Там не было никаких идей или фантазий о том, что ждёт меня через десять минут. Понятно, что там будет человек или несколько, но кто они, откуда, что им нужно, о чем все это, к чему быть готовым? Ответят ли они мне, где мои друзья? Что с ними? Что твориться опять в нашем мире, где казалось бы, что все люди расслабились и потеряли ощущение опасности способной исходить от другого человека, от людей?

Девушка вошла ровно через десять минут. Улыбнулась, приветственно присела. Не улыбаясь в ответ, все ещё пытаюсь наполнить голову хоть какими-то соображениями, я невольно также присел в ответ. Вот тут она рассмеялась, как настоящий человек. Сначала она просто засмеялась, потом видя меня ошолобленным, мое недоуменное лицо и поднятую руку с пустой чашкой, она зашлась в таком хохоте, что буквально согнулась вперёд пополам и не смогла быстро остановиться. Это было здорово! Такой живой и непосредственной реакции от неё невозможно было ожидать. Из меня вдруг начали вылетать все внутренние, перетянутые нервные пружины и я присоединился! Мы хохотали теперь вместе! Долго и с удовольствием, а когда закончили она вдруг вновь прямо уставилась мне в глаза, вытирая вокруг своих слёз-ки: "Извините, Василий, но вы бы тоже не сдержались, если бы увидели себя со стороны!"

Этот взгляд её, он опять вызвал какой-то внутренний щелчок во мне и я не нашёл ничего для ответа, кроме того, чтобы также смотреть ей в ответ. Глаза в глаза! Мне казалось, что так я смогу хоть что-то увидеть и понять. Но, нет! Ни черта там не было понятно! И все же теперь я точно знал, что с моими друзьями все в порядке, никакой опасности здесь нет и для меня. Свобода где-то рядом, за этой дверью и вскоре мы опять соберёмся в нашей пельменной! Я

угадал только отчасти, в другой части я ошибался настолько, что и вам, мой дорогой читатель, ни за что не угадать!

Глава 14.

Ему можно было дать лет сорок, плюс-минус пару лет. «Войны давно закончились, зачем было нас похищать?» — спрашиваю его. Он смотрит на меня долго, то ли изучая меня, то ли задумался, то ли просто решает стоит ли отвечать на этот вопрос. Простой такой парень, в толпе его не заметишь, а пообщаешься полчаса и уже никогда не забудешь. Такими, видимо, и должны быть, по идее, агенты спецслужб. Кто бы знал, что они ещё существуют? «Ну да, люди расслабились. Изнурительную работу теперь делают роботы, аграрии гарантируют урожаи в необходимых объёмах, производственные автоматы регулируют объёмы с помощью искусственного интеллекта. Творческие люди творят и конкурируют с азартом и жадой признания в своей среде. Конкурсы, выставки, пленэры у художников, вечная работа над художественным словом, чтобы завоевать хоть какую-то аудиторию у писателей, театралы полируют старые репертуары и вовсю ищут что-то новое. Тут все старо, как мир. Только количество стало совершенно несопоставимым. Число зарегистрированных писателей и поэтов в мире около 100-миллионов, и там, наверное есть свои Вольтеры, Шекспиров и Достоевские потерявшиеся в огромной массе. То же у художников и театралов. У учёных, как бы, все поинтереснее. Чем больше они совершают открытий, тем больше находят непознанного. Прикладные проблемы вышли на такой уровень, что реальностью ставятся задачи погашения и запечатывания наглухо всех известных вулканов, чтобы замедлить остывание нашей планеты и продлить ее существование и, соответственно, всего живого на ней, на целый миллиард лет. Удастся ли остановить тектонические сдвиги, все ещё большой вопрос, но люди работают и над этим. В космосе, „проектов целый космос“. После короткой паузы:» А что творит медицина, генетика и психология вы можете быть лучше меня знаете. У вас ведь есть научная степень?"- он не остановился:» Но никто, ни один человек уже много лет не голодает, не нуждается в материальных благах и не стремится к накоплению. Людям больше не нужно работать «на хлеб»! Комфортом и питанием все обеспечены. Медицина общедоступна в любой точке планеты. Криптоденьги убили коррупцию, бывшие хозяева жизни, которые имели неограниченные финансовые ресурсы, придерживали прогресс, изобретали конфликты, устраивали войны, избегая земного суда, спешно перебрались на Марс. Желающим работать всегда найдётся, где себя применить. Открытие индивидуальных способностей и талантов происходит теперь с раннего детства по юношеский возраст, дальше уже работают личные амбиции и желание самоутвердиться в своей области. Люди без амбиций живут спокойнее, но либо находят что то рутинное, либо всяк по-своему наслаждается жизнью. Морально страдают только врождённые калеки, депрессивные от рождения люди, люди обделённые талантами, но не лишённые амбиций. В любом случае никто не умирает от голода или холода, тем более, не гибнут в войнах!"- он остановился.

«Глеб, я живу дольше вас и все это мне лучше известно чем вам! Объясните прямо, зачем же тогда здесь ваша служба и, ещё раз, зачем нужно было нас похищать и изолировать?"- спрашиваю, а на самом деле, начинаю кое о чём догадываться. Мы общаемся с ним более часа. У него есть все ответы, но он зачем то сознательно затягивает разговор. Он с самого начала сказал мне, что с Сергеем Борисовичем и Валерием все в порядке. Они в безопасности, здоровы и находятся в таких же условиях, как и я. Вскоре мы сможем встретиться. Про Раю и людей на базе попросил ни о чем не беспокоиться. Никто из них не пострадал. «Где же Рая, она нам, как родная?"- люди с базы меня не очень волновали, хотя любопытство разбирало. «Как это возможно? Среди бела дня умыкнуть множество людей и никто не заметил? Воистину, провели слона по сцене во время игры Гамлета!» Он опять замер уставившись куда-то на верх моего лба или даже на темечко. Мне спешить было некуда. " С Раей все в полном порядке,

но вопрос и обстоятельства намного серьезнее и вам придётся на время забыть о ней!" - он предложил мне свежий кофе и попросил подготовиться к серьёзному и долгому разговору.

Его зовут Глеб Парфеныч, но из-за разницы в возрасте и, просто для удобства, сошлись на том, что будем просто называть друг друга по именам. Мне повезло с Глебом. На его месте мог оказаться бывший сотрудник Моссада, ми-6, ЦРУ, китайского НСБ, иранский страж из САВАК, да кто угодно ещё из Японии, из Индии, Пакистана, Франции, Германии.. «А как вы сейчас формально называетесь?" - спрашиваю уже попивая кофе. «Комитет глобальной безопасности" - говорит Глеб и мы усаживаемся поудобнее.

Глава 15.

«Как все запущено!" - я сказал так, просто вспомнив старую шутку одного из своих старинных приятелей. Когда тому нечего было сказать, или ситуация по жизни заходила в тупик и нужно было сделать глубокий выдох, или если ему отказала девушка, он всякий раз вздыхал и на выдохе, с фальшивой голливудской печалью, произносил именно эту, не всегда уместную фразу. «Что вы имеете ввиду, Василий?" - Глеб показался слегка, но искренне, то ли удивлён, то ли озадачен. Старинный юмор явно не был ему знаком. Мне пришлось пояснить, хотя делать этого не хотелось: «Да я про ваше название комитета! Неужели искусственный интеллект ничего лучшего вам не подсказал?» Опять, слегка озадаченный, Глеб отмахнулся: "У нас очень серьёзный разговор и вас точно перестанут волновать какие либо названия!"»

«Неужели прошло так много времени и все забылось? „- пронеслось у меня в голове, но тут же нашёлся и собственный ответ: "Жизнь несётся с такой невероятной скоростью, масштаб событий и их интенсивность столь небывалые, что затмевает у занятых, современных людей даже ближайшее прошлое. Это, только такие старые пни, как мы, у которых есть время, не осталось самых близких и, которые умеют пить водку, есть способности думать о прошлом, заново переоценивать события, смотреть на современную жизнь со стороны. Впрочем, мы бы, наверное, были непротив!"»

Глеб поставил чашку и по всему видно было, что он выбирает, как начать. "Глеб, моя жизнь надолго затянулась, говорите прямо, что нам угрожает?" - мне хотелось помочь этому уверенному в себе человеку, при этом обременённому ненужной в моем случае деликатностью. "Василий, то, что я вам сейчас скажу, и вы все слушаете, это лишит вас свободы передвижения и общения на нашей планете на долгое время. Решайте! Если откажетесь, то и в этом случае, вам предстоит пройти процедуру локальной лоботомии. Вы полностью забудете о том, что с вами произошло в последнее время, начиная с момента исчезновения Валерия с Раей. У вас будет стерта целиком память об участии в первой экспедиции и, тем более, вас никогда более не озадачат поиски информации о второй! Только после этого вы будете свободны и встретитесь со своими друзьями, но и у них память будет также подчищена! Решайте!"»

Н-да, мы действительно сильно расслабились! Спокойные годы, спокойной, свободной жизни, в которой была только одна горечь от неизбежных потерь и, соответственно, неизбежных смирений с ними, мы с удовольствием в нашей теплой компании глушили горькую чтобы подавлять эту горечь. При этом закаленные, интергалактические наши мозги и любовь к жизни оставляли нам возможность с любопытством наблюдать за ее мирным и стремительным, захватывающим дух, развитием. Быстро ответить на этот вопрос Глеба было нереально. Опрокинуть стол и вызвать его на дуэль, вот такой смешной сюжет пролетел в моей голове между ушами и улетел бы дальше не оставив и следа, если бы я не сделал здесь запись об этом. Что же такое темное и могучее мы пропустили в эти совершенно мирные годы, что привело нас теперь в такую дремучую инквизиторскую ситуацию?

«Вы можете взять больше времени для принятия решения, не покидая нашей территории!" - Глеб был явно хорошим человеком. По всему было видно, что разговор этот не доставляет ему удовольствия. Даже через профессиональную маску закалённого службиста был хорошо виден нижний слой искреннего сочувствия и симпатии ко мне. «Больше времени

в стерильном серо-белом склепе, да я скорее свихнусь через несколько дней, чем найду взвешенное решение и сделаю выбор между полным лишением свободы на родной планете и полной свободой в состоянии полужомби лишенного памяти о собственном прошлом? Его нельзя лишить частично? Огромный пробел в памяти о событиях перевернувших наше сознание, создавших новое мировоззрение, пробудивших и распахнувших наши души новому миру, о чем мы будем говорить? Что мы будем делать? Возможно ли о чем либо мечтать в таком состоянии? Или кого-то любить? Просто пить водку, уже не останавливаясь, ускоряя этим неизбежный конец жизни потерявшей всякий смысл! Н-да!" - это все осталось невысказанным вслух.

«А не могли бы вы нас просто незаметно усыпить навечно или уложить в летаргический сон до лучших времен?" - спросил я Глеба, до конца не осознавая, шучу ли я или делаю ему практическое предложение. Глеб явно завис. Он смотрел мне прямо в глаза и пытался расшифровать там то, что мне самому не было ясно. Весь мой жизненный опыт оказался здесь бесполезен. Опасности для жизни случались и тогда за жизнь просто приходилось бороться. Бывали и потери свободы, но они были краткие и случились во времена, когда мир был несовершенен, несправедлив, а то и вовсе злобеший. Сейчас же, когда жизнь залита мирным счастьем, обеспечена гарантированным покоем, безопасностью, сытостью, бесконечными возможностями для самореализации, беспредельному, искреннему общению ты неожиданно оказываешься перед безумным и необъяснимым выбором лишаящим тебя всех шансов быть счастливым навсегда. Тёмный холод былого безвременья начал выползать из глухих, казалось бы запертых намертво, уголков сознания. «Выпить бы сейчас?" - я произнес это вслух и Глеб молча, с полным пониманием нажал на кнопку вызова.

Глава 16.

"Так значит там была, вторая экспедиция?" - беспечно спросил я Глеба. "Василий, что вам важнее всего в этой жизни?" - вместо ответа спросил он. Я понял, что мы с ним сейчас на одной волне. «Жизнь, сама по себе, и содержательное общение с моими последними, близкими друзьями" - это все, что пришло мне на ум после крепкой стопки какой-то незнакомой, крепкой водки. Я сказал это зажмурившись и едва переведя дыхание. «Чем вы травите меня, Глеб?" - это был мой следующий вопрос, но даже через сильный, убойный хмель пришло понимание, что пути назад больше нет. Крепкий алкоголь грех, вред и богом проклятое питье, никто не называет его наркотиком, но он им является. Он изменяет ваше сознание и поведение. Поздно я спохватился, но сила воли, позволила мне отказаться от следующего глотка. Все таки нам нужен тост! В нашей компании это только так, иначе весь процесс превращается в примитивное пьянство! Глеб, предоставил мне огромную паузу. Он заварил свежий, крепкий, можно сказать, просто убойный кофе. И, мы смогли снова заговорить, как мне показалось, обо всем и по-существу.

«Василий, теперь у вас нет пути назад! Рая проговорила про своего отца и его полет! Вы все рьяно взялись за работу. Ваш друг, Валерий, понял, что экспедиция если и была, то Макс тут не при чем! И, вот это, вас приговорило!» — он отхлебнул кофе, задумался собираясь с мыслями: "Практически все земное человечество переживает сейчас небывалый подъем! Оно находится на пике всеобщего счастья, творит, постигает и открывает немыслимые доселе горизонты сокрытого!» «Глеб!" - прервали я его:» У нас есть хоть какие-то шансы дожить свою жизнь нормально?» Глеб был счастлив! Это я вам говорю! Все эти сказки про суперагентов, а он был одним из них, тут даже спорить не о чем, они остаются все теми же людьми, во плоти и по сути. Моя адекватность облегчила ему задачу и смела всю ту муть, которую он хотел использовать, как преамбулу, прежде чем приступить к разговору по существу! Или так мне показалось!

«Вы знаете, что партия войны смылась на Марс! Активно осваивается Луна! Все самые громкие научные и технологические проекты на Земле объявляются, как детище компании

Маска или его аффилиаций! Поэтому никому в голову не приходит об интергалактической экспедиции посильной кому-либо ещё. Когда закончилась война все ресурсы Маска пошли на полёты на Марс. Это были огромные корабли. Их были тысячи. Марсианское строительство помимо полётов туда-сюда, само по себе, серьезное испытание. Там сейчас светят сотни искусственных светил-отражателей, непрерывно производится вода кислородным выжиганием водорода, под огромными куполами цветут яблочные сады и гуляют пони по гольфовым полям. Всем переселенцам устроили комфортные обители. Мы счастливы, что наша планета избавилась от злостных разжигателей войн, а сами разжигатели счастливы от того, что успели вовремя улететь и им не успели устроить новый Нюрнберг и не повесили на придорожных столбах. Маск вывез всех и он не мог поступить иначе. Он не был бы Маском, которого мы знаем, не будь у него этих бездонных инвестиций." -Глеб замолчал. «Так кто же организовал вторую экспедицию?" - спросил я поймав эту паузу.

Теперь Глеб немного посмеялся: "Василий, похоже вам не терпится самому накинуть себе петлю на шею! Да, экспедиция состоялась и Маск здесь был не причём! Война только что закончилась. Одни залечивали свои раны и восстанавливались, другие дёрнули на Марс! Парадигма сменилась! Человечество, наконец то обрело единство, прониклось своим уникальным статусом обладателя созидательного разума, осознало свою планетарную ответственность, встряхнулось и ожило, как единый организм!" - Глеб остановился. «Вы что заканчивали?" -спросил я его. Мне не претило то, что вдвое моложе меня молодой человек, впаривал мне популярные, послевоенные постулаты. Жизнь быстра и коротка, особенно если её бодрить несущественной или банальной риторикой, но я не мог не сознавать сегодняшнюю сложность миссии Глеба. К чему бы мы сейчас не пришли, это будет мой приговор. Мой и моих ближайших и единственных, друзей! Тянуть этот диамонолог, не было никакого смысла!". "Вам нужно лететь!" — сказал Глеб вместо ответа: "Это ваш единственный выход сохранить нетронутыми ваш разум и свободу!"»

Я опять начал смеяться и ничего не мог с собою поделать. Как раз в это время вошла та самая девушка со свежим кофе в чистом кофейнике. Она и Глеб смотрели на меня в недоумении, а я также смотрел на них. Понятие о покое на Земле рухнуло! Милые люди подадут мне завтрак, заботятся обо мне, поят, кормят, и, одновременно, обещают мне лоботомию, или предлагают, как я понял, полет за пределы Галактики, так и не объяснив внятно в чем проблема! Гадать я не устал, но что в том проку! Прошло, всего несколько дней с тех пор, как я оказался похищен, находился взаперти, потерял связь со своими друзьями и получил чудовищный ультиматум из уст милого и симпатичного человека, так и не объяснившего мне, в чем же суть глобальной проблемы, в чем опасность и куда и зачем мне нужно вдруг лететь, чтобы сохранить свой мозг без трепанаций и свободу не быть замурованным и «дебилизированным» на операционном столе, как с неким Шариком! Какое бы предложение сейчас не поступило, я приму решение! Хоть в петлю, хоть головой об стенку! Так мы покончим с этой неопределенностью! Девушка унесла чашки.

Глеб присел: "Человечество не очистилось полностью и не осознало до конца свою порочность! Эгоизм, жажда обладания, подавления и унижения осталась в природе человека со времен, когда оно научилось побеждать мамонтов, разжигать костёр в пещере, бороться за плодovitых, привлекательных самок, за сочный кусок запеченного хобота, за тёплое сухое место у огня». Я опять засмеялся. Тепло в теле и расслабление пришло от осознания того, что я больше не молод и не глуп. Я уже полюбил этого Глеба. Он реально не желал мне ничего плохого, но при этом сознавал, что мне совсем не осталось никакого другого выбора. «Глеб, мне нечего терять! Либо выпейте со мной, как следует, либо скажите мне все и только по-существу. Я не хочу лоботомии и мне нужны мои здоровые друзья рядом!»

Глава 17.

Долгий это был разговор. Мир на Земле оказался просто большой паузой перед новой большой войной. Партия войны не сдалась и не отказалась от реванша. Улетевшие на Марс оставили огромное количество «закладок». Это относительно молодые люди, которым не нашлось места на Марсе и они оказались не у дел в не монетарной жизни. Как бы то ни было, но переселение туда было очень затратным мероприятием с единственной целью избежать наказания за все развязанные на нашей планете современные войны. Всеобщее счастье и единение человечества вновь оказалось мифом. Безграничная жадность и безпредельное желание поведовать остаётся в природе человека разумного. Никто из других высших организмов, кроме человека, до сих пор не развился в субъекта способного творчески изучать, изменять, истощать свое окружение и массово уничтожать себе подобных. Вера в бога остается единственным шансом предупредить человечество от самоистребления, но пока даже она не смогла остановить ни одну войну.

Напротив, разделение человечества по разным концессиям, спровоцировало множество военных религиозных конфликтов. Сейчас у нас пока еще сохраняется шанс на всеобщее единение. Спасительные идеи есть и выход за пределы галактики это одна из них. Такое достижение способно поднять человеческий дух на такие высоты, когда порочность воинственных индивидов на Земле, какой бы изуверской риторикой они ни прикрывали свои цели и деяния, превратится в абсолютный нонсенс доступный к восприятию только медицинскими идиотами. Партия войны физически прекратит своё существование без какой либо вооружённой борьбы. Все это мой агент службы глобальной безопасности зачитал словно с листа. «Послушайте, Глеб, как же так, ведь мы же уже летали туда?» спрашиваю его в недоумении. Глеб долго молчал, затем спросил: «Василий, а вы видели где-нибудь современные упоминания об этой, вашей экспедиции?» Трезвея я вдруг начал осознавать, что мы действительно давно живём в некоем информационном вакууме. Нас троих лично, давным-давно никто не расспрашивает, не интервьюирует. Связи с другими участниками постепенно исчезли. Не осталось ни одного контакта. Давно пропало живое общение. «Живы ли они?» - я произнес это непроизвольно в задумчивости. «Нет!» - сказал Глеб: «Вы, втроём, единственные выжившие и сохранившиеся участники и свидетели эпохального, на самом деле, сверх эпохального события и человечество о нем практически забыло! Вас затерли!»

«Как это забылось? Я все помню, причем так ясно словно все это было совсем недавно. Валера и Сергей помнят. Мы часто вспоминаем и все воспоминания очень свежи» - говорю это, а параллельно происходит ясное осознание того, что мы втроём давно уже живём в изолированной временной капсуле. Никто из нас троих не болеет и не стареет, но все чем мы живём, это наблюдениями со стороны за быстро меняющейся современной жизнью и воспоминаниями о былой. «Экспедиция была и мы там были, это факт!» - я сказал это именно так. «Совсем не обязательно, если вы попытаете провести расследование в инфополе вы ничего там не найдёте!» - ответил Глеб. «Не найдем?» - тупо, словно, настоящий пьяница, переспросил я. При том, что это так и было, когда мы искали следы второй экспедиции. Почему то это нас не взволновало, отсутствие упоминаний о нас самих. Слишком много было внимания по прилёту, а потом действительно случилось забытьё. Нам самим надоело и показалось, что это всем основательно обрыдло. Тем более, что в это время заканчивалась ужасная война и начиналась новая жизнь. Мы жили тогда в ожидании новых и даже участвовали какое-то время в обсуждениях таких далёких космических походов. Всё это куда-то исчезло. Ушли из жизни близкие люди. Остались только мы.

«Мы могли бы снова дать интервью, сделать более глубокие запросы в архивы» - начинаю рассуждать, но Глеб останавливает. «Василий, вас представят, как трёх спивающихся, выживающих из ума троглодитов. Извините» - он сделал долгую паузу, потом продолжил: «Вы втроём, давно себе не принадлежите. За вами постоянно наблюдают и вас изучают, как минимум три службы. Мы вас выхватили и, возможно, спасли в самый последний момент. Для дальнейшего

вашего спасения вам нужно на время оставить нашу планету. Вторая экспедиция была отправлена много лет назад на трех больших кораблях, но связь с нею оборвалась, как только они достигли S23ultra. По разным причинам эту потерю, как и саму экспедицию, удалось замолчать. Недавно был получен слабый сигнал и он дал нам надежду, что люди там живы. Ваше спасение и ваша миссия заключается в том, чтобы отправиться туда, как только полетная система будет полностью готова». На этом была поставлена точка в сегодняшнем разговоре. О моем согласии Глеб не спросил, а я не был уверен, что соглашусь. «Глеб, где мои друзья и когда я смогу вновь увидеть их?» - это все, что я хотел сейчас знать. "Скоро, Василий! Очень скоро!" - на том и расстались. Похоже меня опять усыпили и глаза мои открылись уже в моей молочно-белой комнате.

Глава 18.

Мы улетели спасая свою плоть, честь и разум! Этим мы избежали ужасы трепанации, частичной лоботомии, унижительной, выборочной чистки наших мозгов. Эскулапы не искали бы там отдельные нейроны один за другим, они бы по известным им зонам черпали мягкий мозговой материал титановыми или нержавеющей ложечками. Это не приколы, именно так они лечат мозги, когда убирают опухоли и гематомы. Брррр! Чтобы там осталось? Смогли бы мы узнать друг друга и помнить по именам? Нужна ли нам такая жизнь? Последний вопрос, на самом деле, перед нами не стоял, мы однозначно выбрали полет. Перед ним пришлось пережить большой экспертный карантин, зашивку от алкоголя. Мы перетерпели трехкратное очищение крови, бессчетное количество клизм в поисках в нас разнообразных цист, червей, микрофлор и фаун.

Нас даже хотели и стерилизовать, но тут взыграл во всю силу, задремавший было на долгие годы, бунтарский дух. Все хорошо знают, во что превращаются нейтрализованные коты и кобели. Здоровье, которым одарила нас столь далёкая планета позволяла нам еще плодить детей, чего мы избегали по ряду причин. Во-первых, мы все таки были уже стары для молодых женщин. Во-вторых мы не желали заново многолетней ответственности, в-третьих, еще продолжали горевать по потерянным родным, в-четвертых, совсем не хотели прекращать порочное, но «целебное» для нас пьянство. Однакож, будучи романтиками от рождения, мы все еще надеялись, пусть и на призрачное, маловероятное, почти нулевое, но все-таки возможное личное счастье. Здоровье позволяло!

Полет прошёл в летаргическом состоянии. Аппарат наш был совершенно революционный. Снаружи и изнутри он банально напоминал безумно роскошную космическую «тарелку» и, видимо, был выполнен таким образом намеренно, а в реальности это оказался возвращаемый интергалактический челнок. Его материальные составляющие убойно поражали наше воображение. Мы ведь все время наблюдали послевоенный научно-технический прогресс и все равно пропустили несметное число новшеств и открытий, которые плодятся, как оказалось теперь, абсолютно непрерывно. Температурные перепады, ударные нагрузки, излучения, вибрации и резонанс во всех известных землянам диапазонах стали нам не страшны. Размеры, скорость, экономичность и комфорт нашего аппарата объекты еще одного отдельного разговора. Если он и сбудется, то уже отдельной главой.

На нашей далекой, старой знакомой планете была поставлена задача, вернее, нам предстояло выяснить, что же произошло с людьми, которых отправили туда здоровыми, бездетными парами общим количеством чуть более одной сотни. Пар! Люди летели отдельным кораблём. Во втором корабле загрузили рабочих роботов с неактивированным искусственным интеллектом. Там же были бурильные механизмы и трёхмерные строительные принтеры. На третьем корабле смонтировали самую мощную, на то время, систему связи и погрузили большой парк транспортных средств для обширного обследования поверхности S23ultra.

Все это было интересно, но никто не знал, что нас ждёт после посадки. Возможно, если сами долетим, то сразу на выходе из аппарата обнаружим огромную россыпь мелких обломков и сотни иссохших мумий вперемишку с неразрушенными и так и не активированными роботами. Сухой климат и стерильность планеты предполагает именно такое состояние тел в случае крушения. Мумии нельзя будет даже трогать. Высушенные и окисленные, в среде с повышенным содержанием кислорода, они будут рассыпаться в ржавый прах от легчайшего прикосновения и только нетканная одежда со знаками отличия и идентификации будет свидетельствовать, о том, кому же именно она принадлежала. Перед отлетом у нас прошло много собеседований по возможным сценариям происшедших там событий. Тот, что я привёл первым, считается наихудшим. Вариант с зелёными человечками не рассматривался. Он наименее вероятен и абсолютно непредсказуем.

Глеб оставался с нами до самого отлёта. Его назначили руководителем и куратором небольшой экспедиции. "Глебыч" - Валера предпочитал так обращаться к нашему парню и Глеб не возражал: "Глебыч, если мы обнаружим там поляну усыпанную мумиями наших соплеменников нам нужен будет антидот от противоалкогольной прошивки и бар с крепкими напитками без ограничений! Иначе мы просто не выйдем на связь, тем более, что возвращаться нам сюда противопоказано!" Глеб мило улыбнулся всем троим: «Это понятно и это все предусмотрено, но если вы не выйдете на связь, то и бар вы вскрыть не сможете!» Нам всем стало теплее. До старта оставалась целая неделя, однако это был наш последний разговор вживую. Через час двери звездолета запрут снаружи, начнётся очередной карантин, предполетный, и открыться изнутри мы сможем уже только в другой галактике после посадки.

Я подошёл и обнял Глеба. Здоровый, закаленный, на пол головы выше меня, тренированный службист самых секретных служб слегка дрожал в моих объятьях. Потом подошёл Валера и два здоровяка слегка поборолись друг с другом стараясь обнять, как можно покрепче. Серёга, Сергей Борисович, для Глеба, обошёлся скромным пожатием руки. Поцелуи были невозможны. Мы обнимались будучи облаченными в мягкие карантинные комбинезоны с прозрачными сплошными визорами в районе наших лиц. А жаль, нас провожала и красавица Лаура, именно она подала мне здесь первый завтрак и кофе. Она же отвечала за нашу стерильность и потому все клизмы проводились под её контролем и с её непосредственным участием. Было нам очень неловко тогда, зато сейчас мы её смело потискали и ничего, что в комбинезонах. Знали, что нам уже ничего за это не будет! Даже Сергей Борисович позволил себе это! Лаура прослезилась. Мы общались свободно через мембраны в районе рта, но Лаура не проронила ни слова. Во такая она, но должен честно сказать, мы все это заметили, при прощании она с трудом сдерживала свои рыдания. У нас тоже где-то защемило от этого! А вы говорите, клизмы!

Мягко и тепло ушёл наш аппарат со стартовой площадки. Не было ни огня, ни пара ни дыма. Не было и сновидений. Сон получился глубокий и очень, очень долгий.

Глава 19.

Мы не слышали и не чувствовали звуков и потряхиваний при посадке на планете. Система разбудила нас позднее. На корабле автоматически сработало освещение для подготовки наших глаз к яркому солнцу планеты. Системы летаргического обеспечения последовательно отключались со звуками щелкающих реле, лёгкого шипения пневматики, скольжения гидравлических приводов, хлопанья вакуумных насосов. Выбираясь из лежака я ощутил забытую лёгкость тела, гибкость и подвижность суставов, свежесть сознания. Похоже за это нужно было расцеловать блок системы жизнеобеспечения. Именно он обеспечивал во время полета выдающееся питание, качественную промывку и дезинтоксикацию тела, великолепную вентилиацию лёгких воздухом с пониженным содержанием азота. Вибромассаж и периодические растяжки суставов многочисленными эластичными приводами тоже выполнили свои задачи.

Потерявшие по 15-20% лишнего веса, Валера все 30%, а также исчезнувшие пары алкоголя в крови и мозгах, превратили нас физиологически, буквально, в подростков.

Выбравшись из капсул мы осмотрелись. Не ведая точно, как долго длился полет, мы не увидели никаких признаков старения или износа внутренних поверхностей корабля, зато разом изумились собственному омоложению. Я попрыгал для верности, чтобы убедиться в своих новых способностях. Валера, кряхтя, начал приседать, но по ходу понял, что кряхтеть ему не надо и присел с изумленным видом десять раз подряд с легким дыханием. Увидевший такую картину Сергей Борисович попробовал присесть на одной ноге пистолетиком и почти преуспел в этом, но потерял равновесие. Вестибулярный аппарат, видимо, еще не до конца проснулся. Тем не менее, он остался доволен собою и в задумчивости ущипнул себя за щеку.

Ещё одним чудом оказалась наша чистая выбритость. Консультанты что-то говорили нам об этом, об аутопилинге при подготовке, но сейчас мы все равно с удивлением потирали свои блестящие подбородки. После этого, то что Серёге оставили аккуратно окантованные усы, казалось малым чудом. Наступало время вскрытия аппарата изнутри. Командиром, в соответствии со званиями, назначен был Валера, техническое обеспечение поручили дипломированному специалисту по паровым турбинам советских подводных атомоходов, Сергею Борисовичу. Именно он должен был выслушать доклад ИИ о состоянии систем и проверить насколько выровнены наружное и внутреннее давление атмосфер. Мне оставалась роль летописца.

Волнение, конечно было. Мы переглянулись. Серёга мигнул, Валера мотнул отрицательно головой, да и смысла не было. Буфет с ликёром был надёжно зашифрован, а мы оставались закодированы. «Жми!» - приказал Валера. Серёга решительно жаманул по синей клавише. Послышалось клацанье открывающихся замков-зажимов. Затем он даванул на красную кнопку и проем мгновенно и бесшумно распахнулся. Яркое солнце словно вспыхнуло для нас заставив всех зажмуриться. Когда глаза удалось открыть, мы снова огляделись. Внутренний свет аппарата сильно поблек по сравнению с солнцем, а просторность корабля вдруг показалась нестерпимой тесниной и мы, действительно, как подростки выбежали наружу.

«Ни... шиша себе!» - или нечто вроде того произнес Валера. Серёга присвистнул. Я, наверное, тоже что-то сказал. Мы находились на широком, пологом, каменистом склоне. Внизу хорошо просматривается каменистая же долина, а с другой стороны высилась огромная, отдельно стоящая гора. По форме она напоминала Арарат и, по размерам вероятно также соответствовала легендарной вершине. Удалённые горизонты синели и голубели чередой удаляющихся хребтов. В прошлой экспедиции нас посадили в более равнинной и менее впечатляющей местности. Облаков, как и прежде, на небе не было. Очевидно, что планета оставалась безводной.

Не успев надышаться живительным атмосферным воздухом мы невольно одновременно задержали дыхание. Невысоко, у подножия горы, на обширном плато легко просматривались возвышенные конструкции. Сообща они напоминали застроенный ландшафт небольшого поселения. В паре мест в неподвижный, безветренный воздух поднимались тонкие столбики светлого серого, то ли дыма, то ли пара, а может и ещё какого то газа. Впечатленные мы молча переглянулись несколько раз и зачарованные продолжили всматриваться в увиденное. Валера сходил за биноклем, а потом, настроив его присвистнул и начал нашептывать нечто псевдоматерное не отрываясь от окуляров. «Что там?» - спросил я его, дожидаясь своей очереди на бинокль. «Люди, блин!» - ответил Валера. Серёга озадачено посмотрел на нас обоих и ушёл в корабль вернувшись вскоре с небольшим телескопом.

Чуть спустя без приборов мне удалось рассмотреть группу человеческих фигурок цепочкой поднимающихся по склону в нашем направлении. Я сделал пару шагов им навстречу, как от Валеры поступил приказ: «Стоять! Василь, мы будем ждать их здесь! Серёга, принеси три тизера и запри корабль!» «Есть!» - ответил Серёга и безотлагательно исполнил приказ. Это заняло ему менее трех минут. Мы разобрали приборы. Они напоминали кии для классического

бильярда, но при этом были легче и короче. «Проверьте их!» Мы пощелкали кнопками. Аппараты выдали мощные голубые дуги с сильным треском. «Повесьте их сзади на пояс!» - приказал Валера: "Держите свои руки свободно, на виду!" Приказы подействовали. Мы ощутили себя дисциплинированной, сплоченной командой, спокойной и готовой к неожиданностям.

Тёплый воздух наполнял наши лёгкие слегка подзабывшие свою работу. Мы вдыхали его с наслаждением и следя за приближающейся группой успевали осматривать доступную взгляду территорию планеты. Из-за развитого и разнообразного рельефа доступного обзору с высоты нашего склона, она выглядела намного привлекательнее, чем в первую экспедицию. Ничем не связанные теперь с Землей, наше будущее, какое бы оно не оказалось, связано теперь с этим царством голых камней и ночного вечно ясного неба.

Группа приблизилась, стали слышны отяжеленное дыхание и шум шагов по рассыпному камню. Метров за сто до нас, люди остановились. Да, это были именно люди! Они сгруппировались для краткого общения между собой, затем вперёд выдвинулся один человек и зашагал в нашем направлении. Вскоре из группы вырвалась ещё одна фигура и бегом догнала первую. Мы легко рассмотрели мужчину в первой фигуре и женщину во второй. Метров за десять они остановились. «Здравствуйте!» - сказал человек, а женщина, взяв его сбоку за руку, кивнула нам головой. «Здравствуйте! Вы из второй экспедиции?» - спросил их Валера. «Да!» - ответили оба и мы возбужденно двинулись навстречу друг другу. Примерно также внезапно остановились в паре шагов друг от друга. И мужчина и женщина выглядели очень устало и неуверенно. Это делало их лица несколько помятыми, словно в них боролись противоречивые эмоции, но лица при этом оставались поразительно неподвижными.

«Я, Валерий Щанкин, командир этого звездолёта, а эта моя команда! Мы прибыли напрямую с Земли! А вы, вероятно, начальник Второй экспедиции?» - представился и спросил, Валера. Такие действия по военному протоколу чётко вложили ему в бакинском краснознаменном военно-морском училище. «Да, я начальник! Михаил Кутузов, но всю обстановку доложу вам только у нас в лагере» - довольно безвольно и, похоже неохотно ответил Михаил Кутузов. «Я, Эльма!» - сказала женщина. Она хочет выглядеть женственно, но безнадежная усталость в лицах, лишала их даже намёка на какую-то харизму. Перед нами стояли безвольные мужик и баба. Усталость эта не была физической. Легкая походка и сильные ноги несли их по склону совершенно без труда.

«Хорошо!» - сказал, Валера: "Мы будем у вас через пару часов». На том и расстались. Не было ни объятий, ни рукопожатий. Пара молча развернулась и потопала к своей группе. Оттуда тоже не послышалось живого многоголосья. Люди воссоединившись молча потопала назад, в лагерь. Нам оставалось только переглянуться. «Все лучше, чем идентифицировать иссохшие мумии по остаткам одежды!» - сказал Сергей. «Ну, не знаю?» - сказал я. «Я тоже!» - согласился со мной Валера. При этом стало ясно, что буфет будет наглухо закрыт для нас на неопределенное время.

Глава 20.

Между нами и лагерем второй экспедиции лежал недалекий путь, но на нем находились каменистые спуск и небольшая плоская низина с последующим подъёмом. Валера посидел некоторое время в задумчивости чисто, как «мыслитель» роденовский, только что кулаком голову не подпёр, но спину выгнул, глаза полужакрыл, локоть на колени, вот только кисть не в кулаке, а вниз расслаблено свисла. Потом вскинул свою тяжеленную головень и ещё с закрытыми глазами произнес:» Серёга, замерь расстояние!» Тому два раза повторять не пришлось. Дальномер показал нам 6 км по прямой видимости от стенки нашего корабля до ближнего края поселения. «Пешком не пойдём!» - был Валерин вердикт: "Выкатываем колёса!"

В нижнем грузовом отсеке организаторы вложили складной скутер, который «алиса» открывала по голосовой команде. "Алиса», нам колеса нужны!" - игривым голосом запросил

Серёга. Чистый, милый, женский голос ответил: "Пожалуйста без выпендрёжа мальчики, скажите точно, что вам нужно!" «Блин, Глеб такие программы заряжать не мог! Неужели эта полунемая Лаура так поработала?" - удивился Валера. «Да, нет, тут голоса „алисы“ есть в нескольких опциях!" - Сергей нажал следующий выбор в списке и снова запросил уже без выпендрёжа: "Алиса, где наш скутер для передвижения по планете!" «Какая я тебе „алиса“!" - рывкнул резко динамик голосом легендарного политика: "Нижний карго-сектор открывай! Кому сказал! Нижний! Быстро!!» Пенал сектора автоматически выдвинулся и мы вручную скатили оттуда плоскую платформу с шестью колёсами.

«Дешёвые шутники, блин, в проекты миллиарды впаривают, а шутят так похабно..." - заворчал Серёга, но платформа лязгнула в это время и сама разогнулась, собралась вертикально в ажурную, трехместную конструкцию с мотоциклетным рулём, сиденьем для водителя и ещё двумя сзади и по бокам для пассажиров. Под сиденьями пространство заняли рундучки для разнообразной мелкой поклажи. Взяв специальный сосуд с водой, подключили его к системе регенерации. Есть пока никому из нас не хотелось, но в дорогу уложили комбинированные контейнеры с питанием. Тизеры оставили на корабле, а вот один многозарядный пистолет Валера пристегнул себе под комбинезоном, под левым плечом. Усевшись на скутере посидели неподвижно с минуту в абсолютной тишине, которая вдруг слегка нас придавила. Весь короткий разговор и вид начальника второй экспедиции и его спутницы ничего приятного в предстоящей встрече не обещали.

Мы не двигались, электромотор скутера работал беззвучно, но мы знали, что он работает по небольшому светодиоду и приподнявшейся подвеске, когда я повернул тумблер. Руль и тумблер, а также три места напомнили мне мотоцикл «Урал» из далёкой, далекой молодости. Память на время скользнула в то прошлое, когда мы с сыном посъетского маячника, Женей Лебедевым, неслись по замерзшей протоке в сторону бухты Сивучьей параллельно берега залива Посъета. Там тоже были каменистые подъёмы и спуски, но на этом сходство кончалось. Здесь не захрустит изморозь под колёсами, не зашелестит сухой тростник в замерзших болотистых низинах, тут нет ветра и облаков, не летают орланы, не пахнет бензином, не стрельнет глушак. На этой планете имеет место безжизненная тишь, весь пейзаж из камней и неподвижного воздуха.

«Поехали, Василь!" - сказал негромко Валера. Я включил сцепление, нажал слегка на педаль реостата, посмотрел мысленно на прочерченную в воображении дорогу. «Куда!" - раздался громкий рёв за спиной. Я ударил по тормозам и хотя мы едва сдвинулись с места, мои друзья соскользнули с сидений. Валера перевернулся на щебне, выхватил из кобуры из подмышки, пистолет и направил его .. "Карго закрой! Кому сказал! Живо!" - продолжал орать голос в неподвижном тёплом воздухе. Отряхиваясь и матерясь Валера с Серёгой вновь взгромоздились на скутере. "Блин, попадётся мне этот прикольный я ему шею намылю!" - это Валера. Серёга: "А я мыло принесу и держать его буду!» Я: "Да, мне тоже, что-то назад на Землю захотелось!» В этот момент нас всех отпустило и мы с хохотом покатались вниз по склону.

Полностью независимая подвеска скутера великолепно справлялась со всеми неровностями на пути. Мне вспомнилось, как тихой декабрьской ночью меня испугал рык тигра в хасанском придорожье и я рассказал об этом друзьям. Тогда меня пробил пот при морозе за минус 20, как я завёл заглохший мотоцикл, и как несясь потом, не останавливаясь, вдоль реки Гладкой до самой тёплой хижины на мысе Шелеха. Валера вспомнил, как по молодости его Ленка напудрилась добела на все лицо и закрылась в шкафу от обиды, что он не взял её на служебный корпоратив. Она уснула в этом шкафу не дождавшись его прихода, а потом так заорала, так подпрыгнула, когда он дёрнул створку шкафа, что их обоих чуть «Кондрат не хватил». У Серёги ещё хлеще история приключилась, когда после ремонта атомной подлодки вся его ремонтная бригада вышла на ней в море на испытания. В какой-то момент включили режим тишины. И тишина настала, люди даже дыхание сдерживали, лишь изредка слышалось,

как редкие капли конденсата падали на пайолы, но нарушил это осознанное гробовое безмолвие удар лодки об каменистое дно. Гулкий, оглушающий, титаново-стальной звон 8000 тонной массы. Там тоже все нервно смеялись, но уже много позже в портовом кабаке. В общем к лагерю мы подъехали в хорошем настроении.

Вблизи хорошо был виден высокий, ровно выложенный забор из плоского серого камня. За забором выступали ряды множественных строений. Часть этих строений имела единообразную одно-двух этажную простую форму, некоторые казались повыше и посложнее. Общность всем строениям придавала технология трёхмерной отливки строительными принтерами из сероватой, бежевой и зеленоватой масс. Ворота в заборе отсутствовали, а открытый проём перегораживал простой автоматический шлагбаум. Когда мы подъехали снаружи нас встречали Михаил Кутузов и два колёсных робота модели «Фёдор 5». Роботы, как слуги, располагались по бокам от начальника экспедиции, но когда Михаил шагнул нам навстречу, правый робот сказал: "Стоять, Михаил! Гостям тоже не двигаться!" Михаил все с тем же мятым и безвольным лицом безропотно подчинился, тогда, как Валера, спрыгнул со скутера обратился: «В чем дело, Михаил?». В ответ тот только невнятно пожал плечами. Левый робот механически проговорил: "Выключите мотор! Вернитесь на сиденье скутера и бросьте оружие на землю!" Правый робот в это время заехал сзади нас и активировал какой-то луч, который слегка нагрел нам спины.

Михаил, видя наши сомнения, проговорил: "Бросьте пистолет, Валерий и лучше подчиняйтесь! Тогда вы в безопасности и скоро все поймёте!" После этого он развернулся и не обращая внимания на роботов пошёл в лагерь. В этот раз роботы полностью его проигнорировали и словно забыли о нем. «Что за чушь, нафиг? Куда мы попали, блин?» - Валера с матерком вынул из кобуры пистолет, бросил его на камни под колёса одного из роботов. «Ведите себя прилично, держите себя в руках!» - механически проворковал один робот, другой манипулятором подобрал пистолет и кинул его в небольшой сейф на своей груди. «Следуйте за мной!» - приказал первый и мягко покатился в сторону шлагбаума. Второй робот замкнул сзади нашу колонну. Шлагбаум бесшумно взметнулся вверх и также тихо опустился, когда мы пересекли линию забора. «Здесь вы можете свободно перемещаться и общаться с членами экспедиции! Покидать территорию вам нельзя!» - проговорил «старший» робот и они оба укатили вперёд. Перед нами на небольшой площади стояла безмолвная толпа народу в единой одежде. Стояли парами, мужчины и женщины. Одну из них мы уже знали.

Глава 21.

Толпа продолжала стоять молча и неподвижно. Мы спешили и Валера подошёл к Михаилу с Эльмой. Эта пара находилась ближе всех к нам и, выглядело это так, словно они намеренно служат буфером между нашей тройкой и остальными людьми. "Миша, что с вами? Что тут происходит?" - Валера протянул руку к Михаилу. Мы с Сергеем стояли в трех шагах и не могли не заметить, как напряглись их лица. Эльма дважды с тревогой глянула в глаза Михаила и Валерия. Безмолвная пауза затянулась, но Михаил все же поднял свою руку и рукопожатие состоялось. Валера не отпустил ладонь Михаила и вопросительно продолжал смотреть ему в глаза. «Долго рассказывать. У нас будет достаточно для этого времени», - Михаил наконец-то поднял свои глаза и их взгляды встретились. Затем Михаил посмотрел на нас двоих, и глаза Эльмы следовали за ним параллельно. Это были все те же усталые, лишённые воли и всякого энтузиазма взгляды людей обременённых то ли общей бедой, то ли виной. В толпе, в эти долгие минуты, никто не произнес ни слова. "Что с людьми?" - спросил Валера. "Ты можешь спросить их сам!" - Михаил высвободил свою руку и показал ею на ближайшее бежевое строение: «Я живу здесь, заходите ко мне» — он взял свою женщину за руку и они молча проследовали к своему жилищу. Эльма обернулась, внимательно осмотрела нас. Вскоре они скрылись в темнеющем дверном проёме. Мы посмотрели друг на друга, но нам тоже нечего было сказать.

Михаил и Эльма обладали стройными, крепкими телами людей ещё не преодолевшими свое пятидесятилетие. Их лица создатель слепил тоже очень качественно. Большие глаза Эльмы могли бы и сейчас очаровывать, но общая убогая понурость этой пары, их склонённые головы, вид опущенных губ безвольного рта не оставляли в них ничего из того, что мы понимаем под человеческим достоинством. Онемевшие втроем мы стояли напротив безмолвной, темнеющей под ярким солнцем толпы. Она вся состояла из пар. Рослые мужчины с крепкими женщинами жались друг к другу словно припаянные. «Здравствуйте, земляки!» - сказал Валера обращаясь к толпе. В общем безмолвии это приветствие прозвучало довольно громко, почти как при приёме парада, но парад не состоялся. Лишь несколько голосов нестройно ответили. Среди них были и женские. Валера прошёл вперёд, мы с Серёгой присоединились. Толпа рыхло зашевелилась, стали слышны шепотки, ворчанья, тихий гул, шарканье подошв и вскоре мы оказались окружены этими парами морально подавленных людей.

«Здравствуйте!» - сказал зрелый блондин и подал мне руку. Рядом с ним, не выпуская зажатого в кулачке рукава его комбинезона, стояла светловолосая же подружка. «Здравствуйте!» - почти шёпотом повторила она за ним и не подавая мне руки принялась ощупывать ткань моей одежды. «Здравствуйте, я Василий!» - говорю им в ответ и пожимаю его большую, но мягкую руку. «Я, Антон!» - добавил блондин: «Она, Зоя!» Смотрю вокруг. Валера кому-то руку пожимает, Серёгу две женщины с двух сторон трогают. Никто не улыбается, движение толпы все такое же вялое, точно не оживленное. Прошло еще несколько пар мимо, посмотрели и встали недалеко. «Что у вас тут происходит? Чем вы занимаетесь?» - спрашиваю. Рука Антона разжалась, он потянул её к себе. Зоя стоит не шелохнувшись и свою руку подобрала, взялась за свой ворот. Смотрит на меня. Глаза совершенно тусклые, но я же вижу, что эта женщина была когда-то, наверняка, красавицей! «Антон»... я начинаю, но они оба без слов поворачиваются от меня готовясь уходить. «Говорите с Михаилом», - он это произносит уже через плечо. Зоя идёт с повернутой в мою сторону головой и чуть не подворачивает себе стопу. Антон удерживает её и они уходят дальше. Я не рассмотрел его глаз. Веки с жёлтыми ресницами были все время припущены.

«Народ, кто-нибудь из вас может здесь свободно говорить!» - Валера пробует голосом взбодрить окружающих: «Оля, ты чего так вцепилась в своего?» - Он обращается к одной из женщин. Мне тоже показалась, что эта дама выглядит раскрепощеннее других. Она не держалась за своего напарника, а, напротив, крепко удерживала его, ибо тот давно уже хотел свалить, пытаясь шагнуть в сторону. Она же более живо рассматривала каждого из нас и не отворачивалась, не опускала глаз, когда взгляды встречались. Других таких «живчиков» здесь не оказалось. Как только мы стали задавать вопросы, все пары потянулись с площади в сторону своих обиталищ. Впрочем и эта Ольга га не сильно их превзошла. «Идите» - говорит: «К Михаилу!» - и потащила теперь уже сама «своего» в их совместное логово. Вскоре между нами никого не осталось.

Пары медленно брели потихоньку, как коровы после выпаса по своим дворам, только что колокольчики не звенели. Серёга, на удивление, держал все это время двумя пальцами за пояс комбинезона какого-то, хорошо причесанного, хлыща, который в былые времена знал лучший дворовой статус. На его худощавом, костистом лице были шрамы, один надбровный, другой на подбородке. Голубые глаза на выкате он не прикрывал, смотрел прямо, но и в них тонус был как бы не очень. Говорили они тихо, не про то, «что тут у вас происходит», а о том, кто строил эти дома, где взяли материалы, откуда родом и все в том же духе. Прилипшая к своему подружка стояла рядом, слушала их беседу без особого интереса, но все-таки! Мы сблизилась и эта пара тут же заторопилась домой. Опять втроем стоим на площади одни. Мимо проехало четыре робота в сторону выезда. Шлагбаум взлетел и опустился за ними бесшумно. Ещё два робота прокатились внутри вдоль ограды. Наш скутер вдруг сам запустился и своим ходом последовал в большой ангар частично встроенный в горный склон. Только сейчас мы

вновь обратили внимание на огромную гору, которая скоро прикроет нам солнце и мы впервые, на этой планете, почувствовали движение свежего воздуха вниз по склону, а наши тени заметно удлинились..

Шлагбаум и неподконтрольный нам скутер означали, что мы теряем здесь свою свободу. Корабль, а, соответственно, связь с Землей в данный момент нам недоступны. Сергей, впрочем, взял с собой пейджер и мы ещё попробуем его использовать. Наш звездолет построен сильно продвинутым и нам предстоит его еще изучать и изучать. Много там выполняется встроенными мозгами. Нам не пришлось, например, сообщать на Землю о своём прибытии и физическом состоянии, все это ушло единым пучком информационных импульсов, природа которых нам неведома. При всем желании, отслеживать всю современную новизну, оказалось непосильной задачей. Мы начали ощущать это давно. Наслаждаясь мирной и бурно развивающейся жизнью на Земле, нам хватало в ней и горечи. Оставаясь живыми и здоровыми, превращаясь таким образом в единственных, в своём поколении, выживших «мастодонтов». Нам казалось, что и мозги наши съеживаются до размеров грецкого ореха. Ну чего греха таить, все, чему нас когда-то учили в университетах на Земле по пять лет, новое поколение осваивает теперь ещё в памперсах, а когда дело доходит до противозачаточных средств, глядишь они уже в докторрах, профессорах или совершают индивидуальные ну или корпоративные открытия.

Нам не стыдно за свое бывшее пьянство. Мы честно поработали и послужили в своей жизни. Мы не веровали тогда в Бога, а потому и не считали себя грешниками. Зато теперь, хорошенько протрезвев, переосмыслив весь пережитый опыт череды поколений, смены эпох, краха режимов, братские войны и интергалактическую экспедицию, мы заново, начинаем воспринимать весь мир. Помимо достижений науки и техники осязаем вселенскую глубину и суть вещей, которую ни наука, ни техника, сами по себе, никогда не раскроют. Супер телескопы, гиперсканнеры, плазменные компьютеры и гениальные мозги заточенные на изучение материи пройдут мимо... Как далеко вперёд я забежал! Сейчас нам нужно идти к Михаилу и пытаться его вместе с его жалкой Эльмой до тех пор, пока нам не станет ясной картина дня! Валере предстоит удел плохого полицейского, Серёге хорошего. Я остаюсь все тем же летописцем.

Глава 22.

Вновь глубоко задумавшись, Валера зашагал в сторону бежевого строения. Серёга медлил. Я посмотрел на него. Губы вытянуты вперёд, один ус закушен и медленно зажевывается. Похоже и этот друг мой задумался о чем-то?! Нам известно теперь, что вторая экспедиция жива и, по неизвестной пока нам причине, лишена связи с Землей. Люди выглядят физически здоровыми, качественно обустроенными на нежилой доселе планете, но абсолютно не похожи на покорителей космоса ментально. Очевидно, что среди них отсутствует строгая дисциплина, нарушена иерархия и субординация обязательные для успешной организации целенаправленной экспедиционной деятельности в экстремальных условиях. Коллективный дух участников подавлен до уровня сброда потенциальных самоубийц интровертов при этом чудом сосуществующих парами в крепких гендерных союзах! Наиболее критичным обстоятельством для нас троих является то, что они категорически избегают открытого общения с нами и беспрекословно подчиняются командам роботов, а роботы, в свою очередь, действуют совершенно независимо от людей согласно некоему независимому алгоритму! Пардон, мой читатель, за столь длинную тираду на страницах моей летописи, но чтобы вы записали тут на моем месте?

Серёга очнулся, мы переглянулись и последовали за Валерой. Здание выглядело интересно! Гладкие поверхности стен, пола и потолка, их идеальная геометрия, пропорции и функциональное предназначение элементов, все это говорило нам об участии искусственного интеллекта, хорошо образованного в прикладной архитектуре. Исполнение этого строительства велось с помощью больших 3-х мерных строительных принтеров не допустивших ни одного изъяна. Под вопросом оставалась природа и происхождение материалов. Стены отдавали приятным, едва ощутимым теплом, при касании их открытой ладонью. Это не мог быть пластик.

Нефтью тут, что называется, не пахло. Вся энергетика этой экспедиции, и прошлой нашей, основываются пока только на солнечной и ядерной энергии. Большую роль играют разнообразные катализаторы и аккумуляторы позволяющие максимально экономить энергию или, напротив, накапливать импульсы для мощных действий. Масштабы моторов варьируют от микро до макро. Именно в силу такого оснащения оказалась возможной человеческая жизнь на абсолютно безжизненной планете. При этом температурный режим, обилие кислорода, солнечного свечения, стабильные погода и климат имеют здесь идеальные параметры для человеческого комфорта, но отсутствие воды и органического материала оставались серьезнейшими вызовами. Похоже, что в этой экспедиции участники смогли эти проблемы преодолеть и разрешить. Иначе откуда бы здесь было столько здоровья в телах наших землян соплеменников!?

Вопросов было очень много и, похоже, только Михаил Кутузов сейчас мог дать нам какие то ответы. В ожидании они сидели у круглого стола в просторной комнате с широким панорамным окном открытым в сторону узкой долины, на обратном склоне которой стоял наш корабль. Он хорошо смотрелся отсюда. Слишком хорошо! У меня защемило в сердце! Никто из близких не ждёт нас сейчас на Земле, но сама Земля нам очень дорога и корабль остаётся последней надеждой на возвращение туда. Очень не хотелось бы превратиться здесь вот в таких же вот ходящих, вялых «фруктов-овощей», пока ещё способных с непонятными нам затруднениями говорить на родном человеческом языке.

«Присаживайтесь!» - произнес Михаил и Эльма привстала, чтобы руками указать нам на удобные для сидения отлитые из того же материала формы. Назови их стульями или креслами и вы бы не смогли себе представить, на чем же мы присели. «Сидак» эти больше напоминали широкие спины небольших бегемотов, но устроившись на них, сразу понимаешь, что дизайнер знал свое дело. Сидеть оказалось очень удобно. Эльма сказала тихо: «Воду на троих!» Тут же появился «робот-стол» с тремя прозрачными бокалами заполненных чистой жидкостью. Встроенный транспортёр бесшумно придвинул их к каждому из нас. Молчаливая и беспрекословная работа этого робота приятно поразила. Сильная жажда, иссушенные в безводной атмосфере наши глотки, сделали свое дело. Забыв про вежливость мы схватились за бокалы и разом опустошили их. «Ещё!» - сказала Эльма и робот вновь подал нам воду в новых бокалах. Пустые стаканы сами заскользили и уехали в пасть какого-то агрегата. Такого чуда на Земле мы еще не видали! Очарованные нереально сказочной, бытовой техникой Серега с Валерой переглянулись и не скрывая удивления уставились на Михаила с его подругой. Там ничего не изменилось! Все те же фигуры без тонуса, мятые, потухшие лица.

«Да, какого же черта вам тут не хватает, дорогие!» - именно так прокричала моя душа, но вслух только Валера произнес: «Откуда эта вода, Миша,?!» Вода была хороша. Пресная, холодная, скорее всего ещё и приправленная ионами железа, а возможно и какими то ещё минералами. «Роботы добывают гидриды металлов, отбирают водород и окисляют его кислородом» — меланхолично проговорил Михаил. Ещё больше ошарашенные мы уставились на него. Матерные слова были готовы, но был ещё один вопрос, который обязательно нужно было спросить прежде чем выматериться или ещё каким то образом попытаться встряхнуть его. В нашей экспедиции у нас не было роботов, мы жили в собственоручно выкопанных лопатами норах, готовы были пить заново переработанную мочу, экономно разбавляя её привезёнными припасами. На весь мужской интернационал была только одна Дашка и мы берегли её невинность, как святой Грааль. Там было плоско, глаз радовало только ночное звездное небо и несколько Лун, но мы не расквасились, не поникли. Мы знали на что шли и вернулись закаленными, долгими ночами познававшими глубь Вселенной! Мы не деградировали, мы вернулись людьми с более богатым мировоззрением, с возросшим чувством ответственности за все человечество! Всё это хотелось махом обрушить на эту пару моральных импотентов, обитающих в космических хоробах, с бесподобным сервисом и безграничным питанием.

На стенах у них оставались следы декораций выполненных когда-то с любовью! Что такого могло тут произойти, чтобы эти полные физических сил человеческие особи так поникли и позволили подчинить себя колёсным «Фёдорам» пусть и наделенных искусственным интеллектом!? «Почему вы не выходили на связь с Землёй?» - спросил Валера. Миша поднял в этот раз усталые, но сосредоточенные глаза, немного распрямился. Эльма прильнула к нему вцепившись обеими руками в его комбинезон. Её глаза тоже широко открылись. Желание материться прошло. По всему очутилось, что нам предстоит долгий долгий разговор.

Глава 23.

«Корабль с интергалактической системой связи и транспортировщиками разбился на вершине горы!» - проговорил Михаил. Последовала долгая пауза. Мы переглянулись, Валера поднял палец, никто из нас не произнес ни слова. «Два других совершили успешную посадку здесь. На одном были мы, люди и припасы для поддержания нашей жизни. На другом роботы, инструменты и строительная техника» - Михаил вновь замолчал надолго. Мы выпили по второму стакану. Эльма подала сигнал роботу и на столе появился чайник с чашками.

«Без связи с землей и транспортных средств мне пришлось поменять планы» - продолжил Михаил: «Обследование планеты вдали от места посадки стали невозможным, первоочередной необходимостью оставались обустройство поселения и поиск ресурсов. Я рассматривал вариант немедленного возвращения людей на Землю, но все контролёры, коды и команды находились на разбитом судне. Мы не смогли выстроить маршрут и активировать двигатели. Не удалось даже определить достаточен ли у нас ресурс для возврата» - Миша опять завис, а Эльма в это время встала и наполнила нам чашки. Мы попробовали напиток. Пить теперь хотелось постоянно. В чашках благоухал настоящий чёрный чай! Продолжая воздерживаться от вопросов, мы с наслаждением прихлебывали изумительно терпкий, бархатистый напиток. Я задерживал жидкость во рту, прижимал её языком к нёбу, делал жевательные движения, все что угодно, только бы подольше длилось это блаженство. Скорее всего это из капитанских запасов Михаила и на этой планете пополнить их будет невозможно.

«Мы активировали роботов. Я поставил им задачу обследовать участок, начать поиск ресурсов и построить жилье для людей, ангары для содержания и обслуживания техники. В течении нескольких месяцев они пробурили сотни скважин, добыли рыхлую порошкообразную породу, обнаружили гидриды, изобрели связующее вещество, построили дома для каждой пары. Вы знаете, нас отбирали в этот поход здоровыми, зрелыми, продуктивными парами?» - спросил Михаил. Валера кивнул в ответ. Мы тоже покивали с Серёгой. «Какого лешего они нас без пар отправили?» - бессмысленный вопрос, но он прозвучал в моей голове. «Роботы проявляли высокую активность помимо моих команд. Им ещё на Земле была поставлена задача нашего жизнеобеспечения» — Михаил разговорился почти, как нормальный человек. «Обустроив поселение со всеми сетями, они продолжили поиск ресурсов и материалов для синтеза эрзацорганики и последующего производства из нее продуктов пригодных для питания людей. И они сделали это ещё до того, как у нас расходовалось не более половины привезенных продуктов. Энергетический ресурс этих синтетических продуктов оказался выше наших натуральных» - Миша взял свою чашку, Эльма добавила туда какой-то ломтик.

«Главные задачи экспедиции так и были поставлены, поселение, жизнеобеспечение, исследования недр и прилегающих территорий на дистанцию доступа транспортных средств. Если удастся наладить стабильное жизнеобеспечение, то членов экспедиции поощряли и мотивировали к занятием по продолжению рода человеческого на новой планете, в новой галактике за пределами „Млечного пути“ - рассказчик опять сделал паузу. Мы многое знали об этих задачах, но находясь непосредственно, в этой атмосфере, на этих камнях, под этим небом в немыслимой дали от родной планеты крохи, слушать поселенца прожившего здесь долгие годы и совершившего немало, пусть и с помощью искусственного интеллекта вшитого в электронные мозги роботов, попивая индийский или цейлонский чай, ты поневоле выпадаешь в аст-

рал! Наступает ступор и легкое головокружение! Хочется позвать маму или погладить Будду и только благодаря присутствию такого друга, как Валера, для которого слово «астрал» матерное и матрос, сказавший его на палубе, получил бы наряд вне очереди или был бы послан «на губу», вы остаётесь в реальном мире с твёрдой, хорошо ощущаемой материей.

«Вскоре роботы отстранили нас от исследований, слишком много человеческих ошибок происходит при выборе места бурения, при отборе проб, при их анализе, описании и архивировании, тогда, как сами роботы работают безупречно.» - Михаил хлебает чай, Эльма следит за ним непрерывно, то салфетку подаст, то губы пробует обтереть, но он оттолкнул её руку. "В какой-то момент я организовал экспедицию на вершину горы. Пять мужчин, без альпинистского снаряжения, мы смогли подняться на три с половиной километра и увидеть остатки третьего корабля. Он ударился об плоскую, почти вертикальную гладкую стену и рухнул к её основанию. Добраться туда можно было бы только с помощью дрона, но все дроны были именно на этом корабле. После этого похода у нас совсем не осталось дел. Еще некоторое время, по утрам, я собирал людей, которые до полёта были назначены ответственными за разные задачи экспедиции, но обсуждать было попросту нечего. Женщины занимались артистичной декорацией своих жилищ, ходили в недалёкие походы, делали разную гимнастику. Мужчины по ночам, как и вы когда-то, выходили смотреть на звезды, но отсутствие перспектив возвращения домой, отсутствие всяких сигналов оттуда и памятуя о том, что на Земле во время отлёта шла большая война, пришло понимание, что мы здесь, скорее всего, навсегда. Полные сил, но лишённые надежд на возвращение, мы занялись личной жизнью. Роботы продолжали выполнять рутинную работу, мы уделили внимание своим женщинам. Вскоре они все забеременели. Через полгода появились первые дети. Созревания здесь происходит быстрее" - тут рассказчик и его женщина обнялись, прижались головами, закрыли свои глаза и напрочь забыли о нас. Серёга тихонько забрал у Эльмы чайник и мы втроём допили его содержимое. Окаменевшая пара сидела без движений. Не было слышно ни всхлипов, ни рыданий. Даже дыхание их замерло. Валера с Серегой поднялись, а я остался сидеть. Никогда и ничего подобного по жизни мне наблюдать не приходилось!

Глава 24.

Посидев рядом с замершей словно в параличе парой, не дождавшись прогресса, я вышел вслед за друзьями. Теперь мы стояли на пустой площади втроём и выглядели, как потерянные алкаши, которые роются по карманам, чтобы наскрести хотя бы на «чекушку». Нам было изрядно не по себе. Картина маслом не складывалась. Корабль со связью разбит, транспорт уничтожен, но люди и роботы выжили и хорошо обустроились. Нарожали детей, но где дети? Где голоса? Где это счастье материнства и отцовства? И что это за синдром такой, впадать неожиданно в кому?

«Да, но где же дети?» - задумчиво произнес Серёга. Валера: „Если Миша не очнётся нам нужно выбирать к кораблю и выходить на связь с центром!“ Мимо проехали два робота. Валера махнул им рукой, но роботы проехали не среагировав. Шаркающими шагами приблизился одинокий мужчина. „Слушай, мужик!“ - Валера обратился к нему, но тот только покосился на нас левым глазом и приняв вправо последовал далее не останавливаясь. «Блин! Зомби чёртовы!» - чертыхнулся Валера: "Надо «будить» Михаила и пытаться его дальше. Где дети то? Не сожрали же они их?» Он только замолчал, как в проёме бежевого строения появилась Эльма и рукой поманила нас внутрь. «Это уже лучше!» - хмыкнул с любопытством Серёга. И мы, пропустив своего командира вперёд, вошли в логово потерянных людей. Михаил сидел почти прямо и взгляд его, как будто бы, окреп. На столе стояло блюдо с непонятными коржиками. Эльма разливала по чашкам свежий чай. Если бы не их «обнуленные» лица обстановка выглядела бы очень домашней. Двигалась женщина легко и, можно было бы сказать, грациозно, но нет, не с этим лицом. Мы не ждали от них ни извинений, ни объяснений, а их и не последовало. Нам тоже не пришлось на ум выражать благодарность за приглашение и угощение. У нас была миссия

и она имела место в совершенно неземной обстановке, в совершенно несуразной ситуации, в совершенно трезвом сознании. Нюансам тут не было места.

«Дети изменили нашу жизнь!»- заговорил Михаил без всякого оживления в голосе, но очень и очень внятно. Перед нами сидел сейчас настоящий начальник второй экспедиции, который провалил свою миссию, за которую все равно обязан отчитаться. «Роботы акушеры не допустили ни одного выкидыша. Здоровые женщины успешно рожали, а потом вскармливали младенцев грудью полной молока. Синтезированное питание работало идеально. Мы, конечно, скучали по жаренному мясу и яичнице, по пельменям и овощным салатам, по борщу». Михаил сделал паузу и замер. «Миша!»- меня встревожило, не впадет ли они в кому опять. «Пельмени!»- сказал Михаил и мы втроём переглянулись. «Это питание местное чрезмерно богато и эффективно»- продолжил Михаил и с этого момента пельмени навсегда выпали из дальнейшей темы.

«Женщины кормили и нянчили детей. Мужчины же продолжали оставаться без дел. Какое-то время мы попробовали заняться спортом, но без мотивации это оказалось совершенно бессмысленным занятием. Мы здесь все здоровы и сильны. Бегать, прыгать, подтягиваться оказалось полной чушью. Сегодня ты подтягиваешься двадцать раз, завтра пятьдесят и что? В экспедиции мы собирались совершать открытия, изучать планету, рожать и воспитывать детей для будущих полётов к другим космическим телам, делиться информацией с Землей, встречать новые экспедиции.

Мы пробовали некоторое время пешком совершать походы, но далеко здесь не уйдёшь. Рельеф горный, а главное что ты сделаешь без инструментария? Ещё несколько раз поднимались в гору, чтобы добраться до обломков корабля, но глубокая расселина оказалась непреодолима! Роботы полностью лишили нас работы на месте. Они продолжают работать, как роботы! Объем собранных данных и материалов колоссальный. Они бурят одни скважины на максимальную глубину, собирают образцы, запечатывают дыры и бурят новые. Постоянно работают автоматические заводы по производству воды и питания. Наши отходы аккумулируются в глубинных хранилищах, выдерживаются там и вторично перерабатываются». Я положил коржик обратно на блюдо в центре стола. «Эти коржи из первичных материалов»- проговорила Эльма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.